

НИКОЛАС
СПАРКС
&
МИКА СПАРКС

*Три недели
с моим братом*

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс
Три недели с моим братом

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Спаркс Н.

Три недели с моим братом / Н. Спаркс — «Издательство АСТ»,
2004 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-118678-4

Это особенная книга в творческой биографии Николаса Спаркса. Ее автор множества международных бестселлеров написал вместе со своим старшим братом Микой. После потери обоих родителей братья решили вспомнить детство, провести время вместе и отправились в большое трехнедельное путешествие. И вот перед читателями предстает совсем другой Николас Спаркс, уже не главный романтик современности, а маленький мальчик, во всем равняющийся на старшего брата, любящий муж и заботливый отец. Это рассказ о детстве и юности, первых успехах и потерях, семейных ценностях, совместных открытиях, переживаниях и восторгах. Это история не просто о путешествии по всему миру, это история о братской любви и преданности. История очень личная, трогательная, наполненная юмором и житейской мудростью.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118678-4

© Спаркс Н., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николас Спаркс, Мика Спаркс

Три недели с моим братом

Посвящается нашей семье, с любовью

«Друг любит всегда, а брат рожден, чтобы в беде прийти на помощь».

«Книга притчей Соломоновых», глава 17, стих 17

Благодарности

Данная книга не появилась бы на свет без помощи многих людей, и практически как всегда, это одни и те же люди.

Во-первых, мы хотим поблагодарить наших жен, Кэти и Кристину, без которых эта книга не была бы написана.

Наших детей – Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну (дети Николаса), Элли и Пейтон (дети Мики). Трудно представить нашу жизнь без них.

Не меньшую благодарность заслуживают также наши уважаемые агент и редактор: Тереза Парк из «Сэнфорд Гринбургер Ассошиэйтс» и Джейми Рааб из «Уорнер Букс». Работать с ними – одно удовольствие.

Невозможно обойти благодарностью Ларри Киршбаума и Морин Игэн – главу «Уорнер Букс» и исполнительного директора, которые поверили в наш труд.

Дженифер Романелло, Эдна Фарли, Эми Баталли, Жюли Бэрер, Хоуи Сандерс, Ричард Грин, Флэг, Дениз Ди Нови, Линн Харрис, Марк Джонсон, Кортни Валенти и многие другие также заслуживают нашу признательность за участие в проекте.

И наконец, мы благодарим команду ТСС и наших попутчиков, включая замечательных Боба и Кейт Девлин. Путешествовать с вами было просто чудесно.

Пролог

Эта книга появилась на свет благодаря буклету, который пришел мне на почту весной 2002 года.

В доме Спарксов все шло своим чередом. Ранним утром я сел за «Ночи в Роданте», но работа не ладилась, и уже в обед мне хотелось, чтобы поскорее наступил вечер. Я написал меньше задуманного и не представлял, о чем писать завтра. Пребывая далеко не в радужном настроении, я решил, что с работой на сегодня покончено, и выключил компьютер.

Жить с писателем нелегко. Так говорит моя жена, и сегодня она снова мне об этом напомнила. Конечно, слышать подобное не так уж и приятно, и первым делом хочется возразить, но я знал, что спор ни к чему хорошему не приведет. Вместо этого я взял жену за руки, посмотрел ей в глаза и произнес три волшебных слова, которые необходимо услышать каждой женщине:

– Ты права, милая.

Некоторые верят, что раз уж я довольно успешный писатель, то пишу играючи. Многие считают, что я несколько часов «записываю приходящие мне на ум мысли», а остаток дня расслабляюсь у бассейна с женой, обсуждая очередной заграничный вояж.

На самом деле мы живем почти так же, как остальные люди среднего достатка. У нас нет штата прислуги, путешествуем мы не так уж и часто, и хотя на заднем дворе нашего дома имеется бассейн, а вокруг него шезлонги, я не припомню, чтобы мы праздно лежали – ни у моей жены, ни у меня нет на это времени. Я работаю, а жена посвящает все свое время семье – точнее, детям.

Видите ли, у нас пятеро детей. У первых поселенцев их бывало и больше, но в наши дни даже такое количество вызывает удивление. В прошлом году во время путешествия мы с женой разговорились с одной молодой парой. Слово за слово, и вскоре всплыла тема детей. У собеседников их было двое, они упомянули их имена, и моя жена тут же отбарабанила имена наших детей.

Разговор на миг прервался – другая женщина пыталась понять, верно ли она расслышала.

– У вас пятеро детей?

– Да.

– Вы что, сумасшедшие? – Она сочувственно коснулась руки моей жены.

Нашим сыновьям одиннадцать, десять и четыре года. Нашим дочерям-близняшкам скоро исполнится три. Я многого не знаю, однако твердо уверен в том, что дети помогают нам объективно смотреть на жизнь. Старшим сыновьям известно, что писательством я зарабатываю на жизнь, но вряд ли они понимают, каких усилий стоит написать роман. Например, когда моего десятилетнего сына во время доклада в школе спросили, чем зарабатывает на жизнь его отец, он выпятил грудь и гордо заявил:

– Папа целый день играет за компьютером!

Мой самый старший сын частенько с невероятной серьезностью заявляет, что «писать – то легко, сложно набирать текст на клавиатуре».

Я работаю дома, как и многие другие писатели, но на этом наше сходство заканчивается. Мой кабинет ничуть не напоминает труднодоступное святилище, напротив – его дверь выходит в гостиную. Говорят, иным писателям нужна тишина, чтобы сосредоточиться; мне, к счастью, этого не требуется. Иначе я вряд ли что-нибудь написал бы. Ведь стоит нам с женой подняться с постели, как в доме начинается бурная деятельность, которая стихает, лишь когда мы в конце дня обессиленные падаем обратно на кровать.

Кто угодно устанет, проведя день в нашем доме. В первую очередь из-за того, что наши дети активные. Очень активные! Просто *невероятно* активные. Их энергии хватит, чтобы осветить город размером с Кливленд. Возникает ощущение, что они каким-то образом подпиты-

ваются друг от друга. Три наших собаки тоже вбирают в себя эту энергию. Иной раз кажется, что ее потребляет даже дом.

Вот наш обычный день: по меньшей мере один из детей болен; разбросанные по всей гостиной игрушки чудесным образом вновь появляются там, откуда их только что убрали; лают собаки; смеются и хнычут дети; звонит телефон; приходят и уходят почтальоны и курьеры; кто-то потерял тетрадь с домашней работой; ломаются бытовые приборы; внезапно выясняется, что к завтрашнему уроку нужен проект, дети играют в бейсбол и футбол, занимаются гимнастикой и тхэквондо; приходят и уходят ремонтники; хлопают двери; дети носятся по коридору, кидаются вещами, дразнят друг друга, выпрашивают сладости, падают и плачут, ластятся и просятся на ручки или требуют внимания *немедленно!*..

Родителям жены, погостившим у нас неделю, едва хватает сил, чтобы добраться до аэропорта. У них мешки под глазами и контуженный вид, как у ветеранов Второй мировой войны, чудом выживших при высадке в Нормандии. Вместо того чтобы сказать «до свидания», тесть качает головой и шепчет:

– Удачи. Она вам понадобится.

Моя жена терпелива и редко выходит из себя. Похоже, она большую часть времени наслаждается происходящим. Наверное, она святая. Или все-таки сумасшедшая.

* * *

В нашей семье почти разбираю я. Кому-то ведь нужно? Так получилось, что ответственность за это несложное дело лежит на мне.

День, когда я получил тот буклет, ничем не отличался от остальных: шестимесячная Лекси подхватила простуду и никак не хотела засыпать; Майлз разрисовал собаке хвост флуоресцентными красками и гордо демонстрировал свой труд остальным; Райан должен был готовиться к контрольной работе, но забыл в школе учебник и «решил» проблему, пытаясь выяснить, сколько бумаги можно смыть в унитаз; Лэндон опять рисовал на стене; что делала Саванна, я не помню, наверняка что-то не менее разрушительное, поскольку в свои шесть месяцев она уже успешно перенимала привычки братьев. Прибавьте к этому орущий телевизор, шипящий на плите ужин, лающих собак, звонящий телефон... Подозреваю, что даже моя святая жена была на грани нервного срыва. Я отвлекся от компьютера, глубоко вздохнул и встал из-за стола. Выйдя в гостиную, я окинул взглядом царившее там безумие и по присущему только мужчинам наитию понял, что делать. Я кашлянул, и все взгляды сразу устремились на меня.

– Пойду проверю почту, – спокойно сказал я.

И вышел.

Наш дом находится в стороне от дороги, и путь до почтового ящика и обратно обычно занимает около пяти минут. Закрывшаяся дверь отсекала от меня суматоху, и я медленно пошел за почтой, наслаждаясь тишиной.

Когда я вернулся домой, моя жена стряхивала с одежды крошки печенья, держа при этом обеих дочек на руках. Рядом стоял Лэндон и дергал ее за джинсы. А она в это же самое время помогала старшим сыновьям делать уроки. Меня распирало от гордости за ее способность так эффективно управляться со множеством дел одновременно.

– Почта.

– Вот спасибо, что бы я без тебя делала? – сказала жена.

Я кивнул.

– Не стоит благодарности.

Я принялся за сортировку. Оплатил счета, просмотрел статьи в журналах и хотел было выбросить все остальное в корзину для мусора, когда мой взгляд упал на буклет, который

я поначалу отнес к хламу. Его прислало сообщество выпускников университета Нотр-Дам, а рекламировал он «путешествие в земли небопоклонников». Трехнедельный кругосветный тур, который должен был состояться в январе-феврале 2003 года, назывался «Небо и земля».

Заинтересовавшись, я внимательно прочел буклет. Путешествие пролегал по развалинам городов майя в Гватемале, инкским руинам в Перу, острову Пасхи и полинезийским островам Кука. Лететь туда предстояло ни много ни мало частным самолетом. Также предполагались остановки у австралийского Айерс-Рок – огромного монолита из песчаника; храма Ангкор-Ват, «Полей смерти» и музея холокоста в камбоджийском Пномпене; Тадж-Махала и Амбер-Форта в индийском Джайпуре; каменных церквей эфиопской Лалибелы; гипогей и прочих древних храмов Мальты; и если позволит погода, можно будет увидеть северное сияние в норвежском Тромсё – городе, расположенном в трехстах милях от Северного полярного круга.

В детстве я был очарован древними цивилизациями и дальними странами и, читая буклет, то и дело думал, что всегда хотел побывать во многих из упомянутых мест. У меня появился шанс совершить путешествие всей моей жизни и увидеть достопримечательности, с детства поселившиеся в моем воображении.

Я со вздохом закрыл буклет. Может быть, в другой раз... Сейчас на это просто нет времени. Три недели вдали от детей, жены и работы? Невозможно. Нелепо. Лучше забыть.

Я сунул буклет под журналы, в самый низ.

* * *

Увы, забыть о путешествии не получалось.

Я искренне хотел однажды поехать в путешествие вместе с Кэт. Однако я прагматик и прекрасно понимал: возможно, мне удастся уговорить жену на Тадж-Махал или Ангкор-Ват, но вряд ли мы доберемся до острова Пасхи, Эфиопии или гватемальских джунглей. Они слишком далеко, а в мире так много других достопримечательностей, что поездка в отдаленные уголки Земли всегда будет подпадать под категорию «Может быть, в другой раз...».

Я был уверен, что этот «другой раз» не настанет никогда – и вот у меня появилась возможность посетить все, что я хотел, за один присест. Десятью минутами позже, когда суматоха в гостиной улеглась так же загадочно, как и возникла, мы с женой стояли на кухне, а на столе лежал открытый буклет. Я захлеб, будто описывающий летний лагерь ребенок, перечислял основные достопримечательности, а Кэт, давно привыкшая к полетам моей фантазии, молча слушала. Когда я завершил монолог, она кивнула и хмыкнула.

– Это «да» или «нет»? – спросил я.

– Ни то ни другое. Я просто не понимаю, зачем ты мне об этом рассказал. Вряд ли мы сможем туда поехать.

– Знаю. Просто хотел показать тебе буклет.

Моя жена знает меня лучше, чем кто бы то ни было. Она сразу поняла, что дело не только в этом, и снова хмыкнула.

Два дня спустя мы всей семьей гуляли недалеко от дома. Двое старших сыновей шли впереди, а остальные дети сидели в колясках.

– Я все думаю о том путешествии, – с нарочитой непринужденностью сказал я.

– Каком еще путешествии? – удивилась жена.

– Кругосветном. Из буклета, который я тебе показывал.

– И?

– Ну... – Я глубоко вздохнул и выпалил: – Ты поедешь?

– Конечно, мне хотелось бы поехать – путешествие обещает быть замечательным, – помолчав, ответила Кэт. – Но это невозможно. Я не могу оставить детей на три недели. Вдруг что-нибудь случится? Вряд ли мы сможем быстро вернуться. Сколько вообще рейсов летает на

острова Пасхи? Лекси и Саванна еще слишком маленькие, как они без меня? Остальные дети тоже... Может, другие матери и могли бы поехать, но не я.

Я кивнул – я заранее знал, каким будет ответ.

– Ты не против, если я поеду один?

Кэт мельком посмотрела на меня. Я вынужден много путешествовать по работе: два-три месяца в году обязательно уходит на очередное книжное турне, что плохо отражается на семейной жизни. Пусть я не очень люблю царящую в доме суету, я все же не совсем бесполезен. У Кэт есть занятия и вне дома: время от времени она обедает с друзьями, участвует в делах школы, посещает тренажерный зал, играет в настольные игры с подругами... Ей нужно выбираться из дома, чтобы не сойти с ума. В такие дни я ее подменяю. Но когда я в отъезде, ей становится трудно, практически невозможно сделать что-нибудь вне дома, и это плохо сказывается на ее самочувствии.

Кроме того, нашим детям хочется, чтобы рядом были оба родителя. Когда я уезжаю, суматоха в доме возрастает, будто заполняя пустоту моего отсутствия. В общем, жена устала от моих поездок. Она понимает – это часть работы, однако понимание не означает, что ей нравится мое отсутствие.

Так что мой вопрос был с подвохом.

– Для тебя это и правда так важно? – наконец спросила Кэт.

– Нет. Если хочешь, я останусь, – вполне искренне ответил я. – Но мне очень бы хотелось поехать.

– Ты собираешься ехать один?

– Вообще-то я думал поехать с Микой, – ответил я, имея в виду брата.

Какое-то время мы шли молча. Потом Кэт посмотрела мне в глаза и сказала:

– Отличная мысль.

Когда мы вернулись домой, я ушел в кабинет и с изумлением принялся звонить брату в Калифорнию.

В трубке звучали долгие гудки, более приглушенные, чем на городском телефоне – Мика никогда не отвечает на него, и если мне нужно поговорить с братом, я всегда звоню ему на мобильный.

– Привет, Ники. Как дела? – весело поздоровался брат – у него подключен определитель номера.

Мика предпочитает звать меня детским именем. Впрочем, до пятого класса меня все звали «Ники».

– Есть кое-что интересное.

– Слушаю.

– Мне тут по почте пришел буклет... В общем, хочешь в январе поехать со мной в кругосветное путешествие?

– Что за путешествие?

Следующие несколько минут я листал буклет и описывал ему основные туры.

– Путешествие, значит? А Кэт тебя отпустит?

– Сказала, что отпустит. Слушай, я понимаю, что это серьезное решение, поэтому можешь сразу не отвечать. Еще полно времени до того, как нужно будет подтвердить наши намерения. Я просто хотел, чтобы ты подумал об этом, обсудил с Кристиной. Три недели – долгий срок.

Кристина – жена моего брата. На заднем фоне раздавался слабый плач их новорожденной дочери Пейтон.

– Вряд ли она будет против. Но все же спрошу ее и перезвоню тебе.

– Хочешь, я вышлю тебе буклет?

– Конечно. Неплохо бы узнать, куда мы едем.

– Я вышлю его курьерской службой доставки. И вот еще что, Мика...

– Да?

– Это будет путешествие всей нашей жизни.

– Не сомневаюсь, братишка. Ничуть не сомневаюсь.

Я почти видел, как Мика усмехается.

Мы попрощались, и я повесил трубку. Взгляд упал на полки с семейными фотографиями. На большинстве из них были запечатлены мои дети: в грудничковом возрасте и когда начали ходить. На рождественской фотографии, сделанной пару месяцев назад, присутствовали все пятеро. Рядом стояла фотография Кэти, и я невольно погладил ее, вспомнив о сегодняшнем самопожертвовании жены.

Она не возмутилась тем, что я уеду на три недели и не смогу ей помогать; она решила взвалить все на свои плечи, пока я буду путешествовать.

Так почему она согласилась?

Как я уже говорил, моя жена знает меня лучше, чем кто бы то ни было. Она понимает, что я хочу не столько поехать в путешествие, сколько провести время с братом.

Так что эта книга – о братских отношениях.

О Мике и обо мне. О нашей семье. О трагедии и веселье, надежде и поддержке. О том, как он и я повзрослели и выбрали разные жизненные пути, но, тем не менее, стали еще ближе друг к другу. В общем, это будет роман о двух путешествиях: одно мы с братом предприняли в экзотические страны, а другое, еще не оконченное путешествие длиною в жизнь, сделало нас лучшими друзьями.

Глава 1

Многие истории начинаются с жизненного урока, и история нашей семьи не исключение. Постараюсь описать его вкратце.

Когда родились мы, дети, жизненный урок моей матери-католички, с ее слов оказался таким:

- Помните, что бы ни говорила Церковь, календарный метод контрацепции не работает. Я – тогда мне было двенадцать лет – посмотрел на маму.
- Ты хочешь сказать, что мы все появились на свет благодаря случаю?
- Ну да. Каждый из вас.
- Но это же был счастливый случай?
- Наисчастливейший. – Она улыбнулась.

Я все равно не знал, как к этому относиться. С одной стороны, мама явно не жалела о том, что у нее есть мы. С другой стороны, мое самолюбие задевал тот факт, что я зародился случайно – быть может, причиной моего неожиданного появления на свет стало слишком много выпитого шампанского. Однако кое-что это для меня прояснило. Я всегда удивлялся, почему наши родители не выждали хоть какой-нибудь срок до появления детей: они определенно не были к нам готовы. Впрочем, я не уверен, что они были готовы и к свадьбе.

И мать, и отец родились в 1942 году, в начале Второй мировой войны. Оба мои деда служили в армии. Дед по отцу был кадровым офицером. Мой отец, Патрик Майкл Спаркс, все детство переезжал с одной военной базы на другую, и воспитанием его занималась, в основном, мать. Он был старшим из пяти детей, очень умным и учился в английской школе-пансионе, а потом поступил в Крейтонский университет в городе Омаха штата Небраска. Там он и познакомился с моей матерью Джил Эммой Марией Тэйни.

Как и отец, она была старшим ребенком в семье – правда, из четырех, а не пяти детей. Росла она, по большей части, в Небраске и на всю жизнь полюбила лошадей. Ее отец, мелкий предприниматель, в течение жизни занимался различными видами бизнеса. Когда мама была подростком, он заправлял кинотеатром в Лайонсе, крохотном городишке посреди сельскохозяйственных земель, где обитали несколько сотен человек. Со слов мамы, кинотеатр стал одной из причин, побудивших ее поступить в школу-пансион. Впрочем, вполне возможно, ее отослали из-за того, что поймали целующейся с мальчиком, хотя мама это решительно отрицала.

– Твоя мать всегда была выдумщицей. Чего она только ни придумывала, чтобы развлечь вас, детей, – говорила бабушка.

– Так почему вы отослали ее в пансион?

– Из-за убийств. В те годы в Лайонсе было убито много девочек.

Так или иначе, после школы-пансиона мама поступила в Крейтонский университет, как и мой отец. Полагаю, поначалу их привлекала друг в друге схожесть жизненной ситуации. Какой бы ни была причина, на втором курсе они начали встречаться и постепенно влюбились. Примерно через год, в 1963-м, они поженились. Это случилось тридцать первого августа, им обоим тогда был уже двадцать один год, и учились они на предпоследнем курсе.

Несколько месяцев спустя их подвел календарный метод контрацепции, и мама усвоила один из трех своих жизненных уроков. Мика родился первого декабря 1964 года, а весной мама опять забеременела, и тридцать первого декабря 1965 года на свет появился я. Следующей весной, вынашивая нашу сестру Дану, она решила взять контроль за рождением детей в свои руки.

Окончив Крейтонский университет, отец решил продолжить обучение в университете Миннесоты, и осенью 1966 наша семья переехала на ферму рядом с Уотертауном. Моя сестра

Дана, как и я, родилась тридцать первого декабря. Нас воспитывала мама, пока отец днем учился, а вечером работал барменом.

Родители не могли оплачивать высокую аренду, так что мы поселились в нескольких милях от города на старой ферме. Мама уверяла, что там жили привидения. Годы спустя она говорила мне, что по ночам слышала плач, смех и шепот – однако стоило ей встать с кровати, как все стихало.

Скорее всего, у нее были слуховые галлюцинации. Нет, мама не сошла с ума – я не встречал более здравомыслящего человека; просто первые годы нашей жизни прошли для нее как в тумане – от безмерной усталости. Подобную усталость не исцелить двумя днями крепкого сна. Это длительное физическое, умственное и эмоциональное истощение, при котором человек выглядит так, будто его несколько часов крутили за уши.

Ее жизнь тогда была сущим адом. В двадцать пять лет прожить чуть ли не два года практически наедине с тремя детьми в *тканевых* подгузниках... Лишь изредка к ней приезжала мать, других родственников поблизости не было – из-за крайней бедности мы жили в забытом богом месте. Поехать в ближайший город мама тоже не могла – отец брал машину, чтобы ездить на работу и учебу. Прибавьте к этому миннесотскую зиму, когда сугробы буквально достигали крыши дома, бесконечное нытье и плач детей, вечно занятого мужа... и даже тогда вряд ли получится представить, как тяжело ей пришлось.

Отец почти не помогал маме – просто не мог. Я часто задавался вопросом, почему он не нашел постоянную работу, а перебивался случайными заработками и учился. Он уходил рано утром и возвращался, когда все уже спали, так что маме и поговорить-то было не с кем, кроме как с тремя маленькими детьми. Она по нескольку дней, а то и недель не общалась со взрослыми людьми.

Мика был старшим, и на него ввалили обязанности не по возрасту – я бы таких не возложил на своих детей. Мама вдальблывала нам в головы старомодные ценности, и заповедью моего брата вскоре стала фраза «Ты должен заботиться о брате и сестре». И он заботился. Даже в три года. Он помогал кормить нас, купать и развлекать и присматривал за нами, когда мы гуляли во дворе.

В семейном альбоме есть фотография Мики, где он укачивает Дану и одновременно кормит ее из бутылочки, причем сам он ненамного больше сестры. Я пришел к выводу, что для него это стало благом – ответственности нужно учиться, она не появится сама собой, когда вдруг понадобится. Видимо, оттого, что с Микой обращались, как со взрослым, он сам взял на себя определенные обязанности. И усердно исполнял их задолго до того, как пришла пора учиться в школе.

Мои самые ранние воспоминания связаны с братом. Мне тогда было два с половиной года, Мике на год больше. Итак: летний день, выходной, трава выше колен, отец собрался скоосить ее и вытащил из сарая газонокосилку. Мика ее обожал, и я смутно помню, как он просил отца позволить ему покосить, хотя у него не хватало сил толкать газонокосилку. Разумеется, отец не позволил, но мой брат всеми своими тридцатью фунтами¹ не мог понять логику отказа. Как он признался мне позже, мириться с этим он тоже не собирался.

Он намеревался сбежать.

Я знаю, о чем вы сейчас подумали. Ему три с половиной года, далеко ли он убежит? Мой старший сын Майлз в этом возрасте тоже угрожал нам побегом, и мы с женой ответили ему так: – Вперед. Только постарайся не уходить дальше угла дома.

Послушный и боязливый Майлз и правда не пошел дальше угла, а мы с женой наблюдали за ним из окна кухни.

¹ 1 фунт равен 453 грамм. Мика весил примерно 6 килограмм. – *Зд. и далее примеч. пер., если не указано иное.*

Мой брат – другое дело. Он рассуждал так: «Я собираюсь убежать далеко-далеко, а раз я должен заботиться о брате и сестре, то нужно взять их с собой». И он взял нас с собой. Посадил в коляску сестру, которой было полтора года, взял меня за руку, незаметно для родителей прокрался за изгородь и повел нас в город. До города, кстати, было две мили, и путь туда лежал через двухполосную автостраду.

И ведь мы почти дошли! Помню, мы брели по полю по плечи в траве, светило солнце, вокруг порхали бабочки... Путь до автострады казался бесконечным. Наконец мы остановились у обочины – трое детей, не достигших даже четырехлетнего возраста, а один и вовсе в подгузнике, – а рядом проносились машины и фуры, обдавая нас потоками воздуха. Брат сказал, что я должен быстро бежать, когда он даст сигнал.

– Бежим!

Гудки, визг шин, и я бегу через дорогу, стараясь не отставать от него...

Дальнейшее помнится смутно. Я устал, проголодался и в конце концов залез в коляску к сестре. Мика тянул коляску, будто ездовой пес Балто по снегам Аляски. А я гордился им. Это было по-настоящему интересно. Это было настоящее Приключение! И невзирая ни на что, я чувствовал себя в безопасности. Мика позаботится обо мне, а мать всегда твердила: «Делай, что говорит твой брат!»

Уже тогда я слушался старших и, в отличие от брата, рос, делая, что мне говорили.

Мы прошли по мосту и поднялись на холм. У его подножия расстился город. Годы спустя я понял, что мы шли несколько часов – маленьким ножкам не по силам одолеть две мили за меньший срок. Мы проголодались, и брат обещал накормить нас мороженым. Вдруг раздались крики, и я обернулся. По дороге к нам бежала мама, требуя остановиться и яростно размахивая мухобойкой – именно ею она обычно нас наказывала.

Да-да, мухобойкой. Мой брат ее ненавидел – он был безоговорочным лидером по части наказания ею. Матери нравилось шлепать нас мухобойкой: та причиняла боль, но не ранила, и звук от нее был громким – особенно когда она ударяла по подгузнику. С похожим звуком лопается воздушный шарик, и я до сих пор испытываю нечто вроде мстительного ликования, когда бью мухобойкой насекомых в доме.

Вскоре после возвращения домой Мика опять сбежал. Он набедокурил, и за мухобойку схватился уже отец. К этому времени Мике так надоел этот вид наказания, что он твердо сказал отцу:

– Ты меня не ударишь!

Отец поднял мухобойку, и Мика бросился наутек. Выбежал из кухни, промчался мимо меня, сидевшего в гостиной, и взбежал по лестнице в спальню. За ним по пятам следовал отец. Сверху донесся топот и звук прыжков – брат скакал по комнате. Вскоре он с невероятной скоростью сбежал по лестнице, снова промчался мимо меня в кухню и выбежал через заднюю дверь.

Отец, отдуваясь – он был заядлым курильщиком, – спустился по лестнице и побежал за Микой. Их не было несколько часов. Когда стемнело, и я уже лежал в постели, мама ввела Мику в спальню, уложила в кровать и поцеловала в щеку. Даже в темноте я видел, что брат грязный, будто несколько часов провел под землей. Когда мама ушла, я спросил его, что случилось.

– Я сказал ему, что он меня не ударит.

– И он не ударил?

– Нет. Не поймал.

«Я знал, что у тебя все получится», – подумал я с улыбкой.

Глава 2

Через два дня после того, как я послал Мике информацию о путешествии, позвонил телефон. Я сидел за столом в кабинете, сражался с текстом, и, когда я поднял трубку, Мика тут же затархтел:

– Потрясающее путешествие! Ты знаешь, куда мы поедem? На острова Пасхи и в Камбоджу! Мы увидим Тадж-Махал! Увидим австралийскую глубинку!

– Знаю. Здорово, правда?

– Еще как! Потрясающе! Ты прочел, что в Норвегии мы прокатимся на собачьей упряжке?

– Да-да, я...

– А в Индии верхом на слонах!

– Да, я...

– Мы поедem в Африку! В Африку, боже мой!

– Да...

– Невероятно!

– Значит, Кристина отпустила тебя?

– Я же сказал тебе, что еду.

– Знаю. Но Кристина не возражает?

– Ну, она не обрадовалась, но и не возражала. Это ведь... Африка! Индия! Камбоджа! К тому же с братом! Что она еще могла ответить?

«Нет», например. У них двое дочерей: Пейтон два месяца, Элли девять лет, – а Мика собирается уехать на несколько недель чуть ли не сразу же после первого дня рождения Пейтон.

Однако я был уверен, что Кристина, как и Кэти, понимает – Мика, невзирая ни на что, хочет повидаться со мной, а я с ним. Будучи братьями, мы привыкли полагаться друг на друга в трудные времена, и связь эта лишь крепла с годами. Мы поддерживали друг друга во время личных и эмоциональных кризисов, вместе переживали взлеты и падения. Мы узнали многое о себе самих благодаря тому, что узнавали друг о друге. Братья нередко близки от рождения, но в нашем с Микой случае эта связь поднялась на новый уровень. Его голос будит воспоминания о нашем детстве, его смех неизбежно воскрешает в памяти прошлое.

– Ник? Эй, ты еще здесь?

– Да, просто задумался.

– О чем? О путешествии?

– Нет, о наших детских приключениях.

– В Миннесоте?

– Нет, в Лос-Анджелесе.

– С чего ты вдруг вспомнил о них?

– Не знаю. Просто иногда они вдруг вспоминаются.

* * *

В 1969 году мы уехали из холодных зим Миннесоты в калифорнийский Инглвуд. Отца приняли в аспирантуру университета Южной Калифорнии, и мы поселились аккурат в центре Лос-Анджелеса, в районе, который можно было счесть неблагополучным, – там до сих пор гуляли отголоски расового беспорядка в Уоттсе 1965 года². В обшарпанном многоквартирном

² «Беспорядки в Уоттсе» начались 11 августа 1965 года в пригороде Уоттса при попытке белого полицейского арестовать чернокожего водителя, за которого потом вступились его друзья.

доме помимо нас жили всего несколько белых семей, а нашими непосредственными соседями были проститутки, наркоторговцы и бандиты.

Квартира была небольшой: две спальни, гостиная и кухня. Впрочем, после Миннесоты мама наверняка сочла это улучшением. Ей по-прежнему никто не помогал, однако впервые за два года у нее появились соседи, с которыми можно поговорить. Пусть даже они отличались от людей, с которыми она росла бок о бок в Небраске. Теперь она могла пойти в магазин за покупками или просто прогуляться, наблюдая за жизнью других людей.

Обычно дети благоговеют перед родителями, и я не был исключением. Моя мама – белокожая брюнетка с темно-кариими глазами – казалась мне невероятной красавицей. Невзирая на суровые условия первых лет нашей жизни, я не помню, чтобы она вымещала на нас свое раздражение. Она была прирожденной матерью и любила нас беззаветно. Можно сказать, мама жила нами. Она улыбалась больше всех, и не той фальшивой улыбкой, от которой по коже идут мурашки, – нет, от искренней улыбки мамы хотелось броситься в ее объятия, которые всегда были для нас открыты.

Отец до сих пор остается для меня загадкой. Из нас лишь он один интересовался музыкой, умел играть на губной гармошке и гитаре и непроизвольно насвистывал, когда нервничал. А нервничал он почти постоянно. Да и немудрено. В Лос-Анджелесе отец погрузился в ту же рутину, что и в Миннесоте: обучение днем и работа по вечерам в качестве уборщика и бармена. Он делал все, чтобы удовлетворить наши основные жизненные потребности. Но даже теперь ему приходилось прибегать к помощи своих родителей и тестя с тещей, чтобы свести концы с концами.

Дома он нередко бывал занят каким-нибудь своим делом и ни на что не обращал внимания. Чаще всего в моих воспоминаниях я вижу его за столом с книгой. Настоящий интеллигент, он был не из тех отцов, которые играют с детьми в салочки, ездят с ними на велосипеде или гуляют; мы не страдали от отсутствия подобных развлечений лишь потому, что никогда их не знали. По отношению к нам, детям, он был кормильцем и строгим воспитателем. Когда мы отбивались от рук – что случалось довольно часто, – мама угрожала рассказать обо всем отцу, когда тот вернется домой. Не знаю, почему нас это так пугало – отец не был жесток в наказаниях. Наверное, мы просто мало его знали.

Жизнь в Миннесоте сблизил нас. Несколько лет Мика, Дана и я дружили только друг с другом, и в Лос-Анджелесе это продолжилось. Мы жили в одной комнате, играли в одни игрушки и проводили время в компании друг друга. По воскресеньям мы смотрели по телевизору мультики и могли часами играть с пластмассовыми фигурками теперь не выпускающейся серии «Ковбой Джонни Вест». Подобно серии «Американский солдат Джо», там были ковбои (семья Вест: Джонни, Джейн и дети), солдаты (генерал Кастер и капитан Мэддокс), преступник (Сэм Кобра) и индейцы (Джеронимо, вождь чероки и Нападающий орел), а также сопутствующие предметы: крепости, повозки, лошади и различный скот. С годами они не раз заменялись на точно такие же: мы играли, придумывая одно приключение за другим, пока игрушки буквально не разваливались на части.

Мы с братом начали постепенно открывать для себя мир за пределами дома, а сестра, как самая младшая, оставалась с мамой. Родители, похоже, наивно верили, что вдвоем нам ничего не угрожает, и позволяли свободно гулять одним еще до того, как мне исполнилось пять лет. Единственное, что они требовали от нас – вовремя приходить к ужину. Поскольку мы соблюдали это правило, ни мама, ни отец не говорили, как далеко мы можем уходить во время прогулки, и мы всю этим пользовались. Куда бы ни шел мой брат, я хвостиком таскался за ним, проникаясь глубочайшим обожанием, как к герою. Мы обследовали ветхие дома или навещали взрослых соседок, которые стояли у обочин, привлекая клиентов. Мы могли бесконечно долго наблюдать, как подростки чинят машины на парковках, или сидеть на ступеньках лестницы с какими-нибудь бандитами, пока они пили пиво и тискали своих подружек. Нам это

очень нравилось – там всегда было на что посмотреть или сделать, и даже время от времени раздававшиеся в отдалении выстрелы нас не пугали.

Для нас там было не опасно. Должно быть, оттого, что даже преступники знали – мы не только безвредны, но еще и беднее них. А наша семья и в самом деле была отчаянно бедна. Мы росли на сухом молоке, картошке и овсяной каше. До школы я и не знал, что молоко изначально жидкое. Мы никогда не ели в кафе, не посещали музеев и бейсбольных матчей и даже в кино не ходили. Машина, которую отец купил для поездки на работу и в университет, стоила меньше ста долларов. Когда мы пошли в школу, нам покупали пару обуви и одни штаны в год. Когда они рвались, мама нашивала заплатки, и постепенно штаны начинали выглядеть так, будто сразу продавались с наколенниками. Немногочисленные игрушки – в частности деревянные конструкторы «Тинкертойз» и «Линкольн логз», а также вышеупомянутые фигурки «Ковбой Джонни Вест» – нам дарили на Рождество и дни рождения; в магазине мы никогда не выпрашивали у мамы игрушек или сладостей – понимали: бесполезно.

Лишь недавно я осознал, что мы жили за чертой бедности. В то время мы, разумеется, этого не понимали. И хорошо. Мама не потерпела бы жалоб, даже вздумай мы жаловаться – она была ярым приверженцем выносливости, ненавидела нытье, уныние и оправдания и намеревалась искоренить эти пороки в своих детях. Если мы скулили что-нибудь вроде «Но я хочу...», она всегда реагировала одинаково: пожимала плечами и говорила:

– Даже не мечтай. Мы хотим одно, а получаем другое.

От ее понятий о выносливости содрогнулись бы большинство современных родителей. Когда Мика пошел в первый класс, школа, расположенная недалеко от нашего дома, оказалась ему недоступна из-за десегрегации – начиная с 1964 года белые и чернокожие дети учились вместе, и школьников одного района на автобусе возили в школу, расположенную в другом районе. Мике приходилось почти милю идти до автобусной остановки по шумным проспектам и неблагополучным соседским кварталам и срезать путь через свалку. В первый день мама проводила его на остановку, а на следующий день он пошел туда самостоятельно. Через неделю Мика сказал маме, что на углу свалки его подкараулили какие-то большие девочки – из седьмого класса или старше – и забрали деньги на школьное питание. А потом пригрозили побить, если он не будет приносить им по пять центов каждый день.

– Они сказали, что поколотят меня! – Мика заплакал.

Разрешить такую ситуацию можно разными способами. Например, мама могла бы постоянно провожать его до школы или поймать этих девочек и пригрозить полицией, если они продолжают вымогать деньги. Наверное, она могла бы выяснить, кто их родители, и поговорить с ними или найти тех, кто станет подвозить Мику до школы. Или поговорить об этом с кем-нибудь в школе.

Но это была бы не моя мама. Выслушав Мику, она вышла из комнаты и вскоре вернулась со старой жестяной коробкой для завтраков с изображением некогда популярного актера Роя Роджерса. Слегка ржавая и помятая, эта коробка годы назад принадлежала ее младшему брату.

– Завтра мы положим твой завтрак сюда, и если те девочки попытаются отобрать твои деньги, стукни их этой коробкой. Вот так... – Мама вскинула руку, словно укротитель львов, и принялась размахивать коробкой для завтраков.

Мика смотрел на нее во все глаза.

На следующий день мой шестилетний брат пошел в школу со старой коробкой для завтраков. Когда девочки его обступили, и одна из них замахнулась на него, Мика поступил так, как наказала мама.

Ночью, когда мы лежали в постели, он рассказал обо всем мне.

– Я размахнулся и стукнул изо всех сил.

– Ты не боялся?

Он поджал губы и кивнул.

– Боялся. Но я продолжал размахивать коробкой и бить, пока они не разбежались с плачем.

Следует сказать, что те девочки больше никогда к нему не подходили.

* * *

В 1971 году мы снова переехали – на Плайя-дель-Рей, в другой район Лос-Анджелеса. Причина была веской: по ночам выстрелы звучали все ближе, и родители сочли, что на новом месте будет безопаснее, чем в Инглвуде.

К тому времени я тоже пошел в школу, но не в ту, где учился Мика – у нас с ним была разница в год, и его по-прежнему возили в школу на бесплатном автобусе. Ученики в моем классе почти ничем не отличались от учеников из пригородов Айовы³, а вот Мика был единственным белым в своем классе.

Однако день мы проводили по-прежнему вместе и так же, как в Инглвуде. Двое детей, не боящихся мира, мы шли, куда хотели. В двух милях от дома была гавань, где мы любовались на корабли. Мы влезали на опоры автомобильного моста или столбы линии электропередач в поисках птичьих гнезд. Обследовали заброшенные или обгоревшие дома в поисках интересных вещей, забытых хозяевами. А через несколько улиц и заборов от нашего дома находилась средняя школа. Вечером она обычно пустовала, и мы играли в ее помещениях: бегали, или прятались, или просто гуляли по коридорам, заглядывая в кабинеты. Однажды мы заметили среди деревьев ворона и как зачарованные шли за ним, пока он перелетал с дерева на дерево. С тех пор, приходя играть в эту школу, мы искали ворона и, к нашему удивлению, находили. Окликнув его несколько раз, мы принимались за игры. Вскоре мы начали замечать ворона на деревьях недалеко от того места, где играли. Затем он начал попадаться нам на глаза каждый раз, как мы приходили в школу. Ворон всегда был где-то рядом, и мы поняли, что он следит за нами.

Мы стали кормить его. Бросали хлеб на землю, ворон спускался и ел, а потом улетал. Постепенно он начал оставаться все дольше, позволяя нам подойти ближе. Мы кормили его сливами, и ворон перестал нас опасаться. Дошло до того, что мы протягивали ему сливу, и он без колебаний подлетал и ел. Мы с удивлением осознали, что ворон стал кем-то вроде питомца, и начали относиться к нему соответственно. Взяв у мамы фотоаппарат, мы сделали несколько снимков крупным планом и, распечатав их, с гордостью показали родным фотографии Черныша – так мы называли ворона. Черныш был потрясающим. Черныш был классным. Черныш, как выяснилось, был чудовищем.

Ворон нас интересовал, но мы заинтересовали его гораздо сильнее. Особенно наши волосы. Мы блондины, и наши волосы сияли на солнце, а вороны любят все блестящее. А еще они строят гнезда. Сложив вместе два эти факта, вы наверняка догадаетесь, что произошло дальше.

Однажды Черныш принялся пикировать на наши головы, будто самолет-истребитель, атакующий корабль. Он закаркал, и мы бросились наутек. Черныш полетел за нами. Казалось, его крылья выросли вдвое по сравнению со вчерашним днем; мы бежали со всех ног и кричали. Спрятавшись среди мусорных баков, мы задумались, как добраться домой. В конце концов пришлось рискнуть и выбраться из-за баков. Путь, казалось, был свободен, и мы снова побежали.

Я не мог бежать наравне с Микой и постепенно отстал. Черныш тут же спикировал на мою голову, и я испугался, как никогда в своей еще непродолжительной жизни. Я в панике затаил дыхание и замер. Черныш вонзил когти в мою голову и – что еще ужаснее – начал долбить ее

³ Отсылка к этническому составу штата Айова: там более 90 % населения – белые.

клювом. Его голова ходила вверх-вниз будто нефтяные насосы Оклахомы. Я закричал. Черныш стал долбить сильнее. Удар – крик. Удар – крик. Удар – крик... Ворон будто задался целью продолбить дыру в моем черепе и выклевать мозг.

До моего первого крика брат продолжал бежать – возвращения Черныша он не заметил. Но когда я заорал, Мика развернулся и бросился ко мне, крича, чтобы я спихнул ворона с головы. А я оцепенел от ужаса – даже думать не мог и просто стоял, пока Черныш медленно, удар за ударом, убивал меня.

Разумеется, Мика знал, что делать. Крича и размахивая руками, он согнал адскую птицу с моей головы. Но Черныш продолжал кидаться на нас, и Мика снял рубашку и принялся размахивать ею, будто флагом. В конце концов ворон улетел к деревьям.

По дороге домой мне стало стыдно за свой испуг. Мика ведь не испугался, сразился с Чернышом, боролся, пока я стоял столбом. Я поверил, что Мика может все. Не то что я. Идя рядом с ним, я больше всего на свете хотел стать таким, как мой брат.

Глава 3

Мы с Микой подтвердили свои намерения совершить кругосветное путешествие, зарезервировали места и принялись готовиться к поездке. Помимо всего прочего нам предстояло сделать несколько прививок, включая прививки от тропической лихорадки и гепатитов А и Б, а также получить визы в Индию, Эфиопию и Камбоджу.

Весна сменилась летом, мы с братом часто разговаривали о путешествии, но вот что странно – мы стали расходиться во мнении. Мика все больше воодушевлялся, а мне все меньше хотелось уезжать. И однажды, когда он заговорил о путешествии, я сменил тему.

Назовите это «синдромом раскаяния покупателя», но я начал осознавать, что ошибся. Меня волновала мысль о путешествии, я жаждал посетить все эти места – однако не хотел тратить на поездку несколько недель. Время – единственное, чего мне вечно не хватает в круговороте семейных дел и работы. В моем доме постоянно царила суматоха, моя карьера шла в гору, и при мысли о путешествии ради развлечения я испытывал не только тревогу, но и угрызения совести.

Будь у меня лишний месяц, не должен ли я провести его с детьми? Или с женой? Если мне сейчас едва хватает времени, то как я могу даже думать о том, чтобы потратить месяц на развлекательное путешествие? Все, имеющее отношение к этой поездке, казалось неправильным. Вы бы поняли, почему, если бы узнали, как я жил в 2002 году.

Время представляется мне в виде ручья, порогов и водопада. В жизни каждого человека бывают периоды, когда дела идут гладко. Ты словно плывешь в каноэ, лениво гребя и наслаждаясь видами. Один день впадает в другой, работа спорится, и даже появляется время расслабиться. Потом течение становится сильнее, ты еще успеваешь все, но уже приходится прилагать чуть больше усилий. Но вот начинаются пороги, и внезапно становится труднее. Это может быть новый проект на работе, болезнь кого-нибудь из родных, смена места работы или сокращение – неважно, в такие периоды ты пытаешься удержать каноэ на плаву. Течение становится еще сильнее, и тебя несет. Ты «должен», тебе «требуется», у тебя «нет другого выбора». Ты плывешь, плывешь, плывешь... Слышишь отдаленный гул водопада и убеждаешь себя, что нужно грести усерднее. Ты должен миновать пороги и выплыть на безопасную воду. Иначе тебя ждет водопад.

Именно это и происходило со мной в 2002 году: меня несло течением, я изо всех сил греб, а гул водопада нарастал. Я был перенапряжен – умственно, физически, эмоционально. Я жил в подобном режиме уже три года.

Когда жизнь не сбалансирована, рано или поздно тебя ждет водопад. В то время я этого еще не осознавал.

Зато моя жена понимала это уже тогда. Кэт из тех, кто может трезво оценить сложившуюся ситуацию. Она не только заботливая мать, у нее есть с десяток друзей, с которыми она регулярно общается. Кэт много внимания уделяет семье, но как бы занята она ни была (а пять детей, трое из которых не достигли двухлетнего возраста, займут любую маму), ее день проходит без суетливой спешки, которой я никак не могу избежать. Она лучше, чем кто-либо, понимала, как мне необходим отдых, и знала, что я начну это отрицать и придумаю причину не ехать. А если и поеду, то не смогу расслабиться и насладиться путешествием.

Однажды перед сном, когда мы уже лежали в постели, она спросила меня о путешествии, и я снова пробормотал, что пока не решил окончательно.

Кэти повернулась ко мне и посмотрела в глаза.

– Тебе наверняка понравится. Ты должен поехать. Ты ведь никогда ничего подобного не предпринимал.

– Знаю. Просто сейчас не самое подходящее время.

– Подходящего времени не будет. Ты занят всегда. Такова твоя натура.

– Ничего подобного.

– Уж поверь. Ты никогда не позволяешь себе бездельничать.

– Лишь последние два года...

Кэти покачала головой.

– Нет, милый мой, со дня нашего знакомства ты постоянно чем-нибудь занят. Ты не можешь ничего не делать.

– Правда?

– Правда.

Я обдумал это и сказал:

– Следующие два года я буду очень сильно занят. Однако потом станет полегче, так что года через два у меня появится время на что-нибудь наподобие путешествия.

– Ты говорил то же самое два года назад.

– Разве?

– Да.

– Видимо, тогда я ошибался. Зато сейчас я твердо уверен в том, что все так и будет.

Кэти лишь вздохнула.

Несмотря на ее уговоры, с приближением осени путешествие внушало мне все большую тревогу. Брат тоже уловил мои колебания и принялся звонить чаще, изо всех сил стараясь подогреть мой интерес к поездке.

– Эй, Ники, ты уже получил посылки, которые ТСС отправила нам?

ТСС – это компания, ответственная за путешествие. Присланные ею две огромные коробки, все еще опечатанные, уже две недели стояли в углу моего кабинета, пока я работал над книгой «Ангел-хранитель».

– Получил, но еще не открывал.

– Почему?

– Времени не хватает.

– Ну так найди время и открой. Они прислали кучу прикольных вещей. Жилет, рюкзак, небольшой чемоданчик и еще несколько штуковин. Даже путеводитель...

– Открою на выходных.

– Открой сейчас. Скорее всего, тебе придется отослать медицинское заключение о состоянии здоровья. И выбрать, что посетить в Гватемале: руины или центральный рынок. Ты должен отправить документы до конца недели.

Я на миг закрыл глаза, раздражаясь от того, что к моим заботам добавились еще две.

– Ладно, если получится, я открою посылки сегодня вечером.

На том конце телефонной линии воцарилась тишина.

– Что с тобой? – наконец спросил Мика.

– Ничего.

– Судя по голосу, предстоящее путешествие тебя не радует.

– Успею еще обрадоваться, когда настанет время ехать. А сейчас у меня так много работы, что просто не хватает времени долго раздумывать над поездкой. Придет время – и я обрадуюсь. Прямо сейчас я тону в делах.

– Ты не прав, – со вздохом сказал Мика.

– В смысле?

– Ты что, до сих пор этого не понял? Предвкушение – неотъемлемая часть путешествия. Радость от предстоящей поездки, от мест, которые мы увидим, от людей, которых мы встретим... Это часть удовольствия, которое мы получим от путешествия.

– Знаю, но...

– Ты не слушаешь меня, братишка. Никогда не забывай, что предвкушение – важная часть жизни. Работа важна, и семья важна, однако без радости жизнь пуста. Ты обкрадываешь себя, когда отказываешься наслаждаться тем, что вскоре должно произойти.

Я снова закрыл глаза. Мика прав, но...

– Сейчас у меня несколько иные приоритеты.

– В том-то и беда. У тебя всегда есть иные приоритеты.

* * *

В младших классах Мику регулярно лишали права посещать занятия, зато мне школа нравилась. Первый год был замечательным: чудесная учительница, замечательные одноклассники, а то, что мы изучали, оказалось несложным.

По настоянию родителей мы вступили в бойскауты. Однажды нам дали задание вырезать из дерева ракету и прикрутить к ней проволокой баллон с двуокисью углерода. Затем наша поделка должна будет соревноваться с ракетами, сделанными другими бойскаутами.

Волнуясь, мы с Микой самостоятельно прошли две мили до здания, в котором проходили соревнования. Моя ракета выбыла в первом же раунде. Ракета Мики выиграла и продолжала выигрывать. В конце концов ракета Мики заняла второе место, и я одновременно гордился братом и завидовал ему. Зависть лишь возросла, когда ему под аплодисменты вручили красную ленту. Я вдруг осознал: Мика не только может все – он делает это лучше меня.

Мне и остальным, кто не дошел до финала, тоже вручили ленту, и от этого стало тошно. Я учил буквы и звуки и уже умел читать короткие слова, однако длинные слова, особенно написанные от руки, частенько оставались для меня непонятными. Я не знал, что написано на моей ленте, зато видел – ее дали тем, кто выбыл из соревнования.

Я все-таки попытался прочесть надпись на ленте. В ней было два слова, второе оказалось знакомым – «участник». Но первое никак не поддавалось прочтению, и я произнес его по слогам вслух. Оно начиналось на «по», заканчивалось на «и», а в середине была буква «ч».

Кровь отхлынула у меня от лица. Нет, не может быть...

Я, моргая, уставился на слово, которое видели все. Постепенно его смысл дошел до меня, и буквы расплылись перед глазами. Заныло сердце. Хотелось кричать. В стороне стоял мой брат, гордо демонстрируя ракету и ленту. Его окружали такие же счастливишки-которые-сделали-все-хорошо. А люди наподобие меня сделали как раз то, что было написано на наших лентах – почти участвовали. «Почти участник» – вот какую ленту нам дали.

Не помню, как мы ушли оттуда, очнувшись я лишь по дороге домой. Мика видел, что я сам не свой, но на все его расспросы я лишь качал головой. Наконец, не выдержав, я сунул ленту ему под нос и крикнул:

– Видишь?! Я «почти участвовал»! Вот что здесь написано!

– На твоей ленте написано не это.

– Читай!

Мика уставился на слово, как и я совсем недавно, и медленно поднял на меня взгляд. Брат выглядел так, будто тоже вот-вот заплачет.

Значит, я был прав... До этого момента я еще робко надеялся, что неправильно прочел слово. Я больше не мог держаться, и эмоции хлынули из меня, будто вода сквозь треснувшую дамбу.

– Я старался изо всех сил... я правда старался... – Я всхлипнул и разревелся. Мои плечи затряслись от рыданий.

Мика обнял меня и притянул ближе.

– Я знаю. Твоя ракета была не такая уж и плохая.

– А они дали мне эту ленту...

– Наплюй на них. По-моему, твоя ракета была одной из лучших.

– Нет, ты так не думаешь.

– Думаю. Ты очень старался, когда делал ракету. Я горжусь ею. И больше никогда не пойду к бойскаутам, раз они так поступают.

Не помню, лучше или хуже мне стало от слов брата – тогда я просто нуждался в его поддержке. Потом я захотел забыть об этом соревновании как можно быстрее, но Мика решил окончательно во всем разобраться.

– Не верится, что они дали тебе такую ленту, – то и дело бормотал он.

А я после его слов все сильнее падал духом.

Наконец мы пришли домой. Мама что-то готовила на кухне и окликнула нас:

– Эй, как дела?

– Я занял второе место. – Мика нехотя протянул свою ленту.

Мама взяла ее.

– Ух ты! Поздравляю! Надо же, второе место!

– Я почти победил, – сказал Мика.

– Второе место – это замечательно! А ты, Ник?

Я молча пожал плечами, стараясь не разреветься.

Ее лицо смягчилось.

– Тебе не дали ленту?

Я покачал головой.

– Значит, все-таки дали?

– Какая разница? – пробормотал я.

– Большая. Можно посмотреть?

Я затряс головой.

– Почему, солнышко?

– Потому что там написано, что я «почти участник»! – Я не выдержал и разрыдался, пытаюсь крепче зажмуриться, чтобы остановить поток слез.

– Не может быть.

– Может. Там именно это и написано, – возразил Мика.

Я заревел еще сильнее, и мама обняла меня.

– Можно, я взгляну на нее?

Должно быть, в объятиях мамы я ощутил себя в безопасности, потому что все-таки вынул из кармана помятую ленту. Мама посмотрела на нее, затем подняла мое лицо вверх.

– Здесь написано не «почти», а «почетный», – сказала она. – Это хорошее слово, солнышко. Оно означает, что ты проделал большую работу и они гордятся тем, что ты сделал.

Поначалу я не поверил. Когда мама повторила это слово, мне стало чуть легче. И все же в глубине души я понимал: лучше бы никакой ленты не было.

* * *

В 1971 году в Лос-Анджелесе произошло несколько землетрясений. Самое первое началось в середине ночи. Я проснулся от того, что кровать подо мной жутко тряслась, будто кто-то пытался скинуть меня с нее.

Дана тоже проснулась и завизжала. В стенах что-то шуршало и скрипело, игрушки падали, пол трясся, как желе... Я не знал, что это землетрясение, однако понимал – ничего хорошего в происходящем нет, мы в опасности. Мика это тоже понял. Он выпрыгнул из кровати, схватил меня и нашу сестру и оттащил на середину комнаты. В комнату ворвался отец – абсолютно голый, с диким взглядом. Мы никогда не видели его без одежды, и это зрелище поразило нас гораздо сильнее землетрясения. За отцом появилась мама – в отличие от него, в

халате. Родители повалили нас на пол рядом друг с другом и накрыли своими телами, пытаясь защитить от сыплющейся сверху трухи.

Пол по-прежнему трясся, стены качались, но мы лежали рядом всей семьей, и это, как ни странно, успокаивало. Я внезапно ощутил, что все будет хорошо, словно проявления родительской любви и заботы было достаточно для нашей защиты. Я понял, что ошибался, лишь когда увидел по телевизору последствия землетрясения: разрушенные дома, провалившиеся дороги... Это землетрясение оказалось сильнейшим в данной местности – по шкале Рихтера оно оценивалось в 7,2 балла.

Позже мы с братом, подобно Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям, несколько дней рыскали по развалинам, разглядывая и исследуя их. Это был наш способ избавиться от страха перед землетрясением, и в дневное время он срабатывал. Однако по ночам мы долго не могли уснуть и страдали от кошмаров.

После первого сильного толчка город еще несколько дней потряхивало. Поначалу родители сразу же врывались к нам в спальню, как в первую ночь землетрясения. Постепенно они стали приходить с запозданием, а потом и вовсе перестали нас проверять. Тогда уже мы стали врываться к ним.

После очередного толчка мы вбежали в их спальню и запрыгнули прямо на спящих родителей, едва не раздавив их.

– Сделай что-нибудь, Майк! – обратилась к отцу мама.

Отец, уставший от подобных пробуждений, решил положить им конец и встал с кровати. Он был абсолютно голый, но к этому мы уже привыкли. Внезапно отец начал исполнять что-то наподобие танца индейского шамана, призывающего дождь: он взмахивал руками, кружился и пел:

– Землетрясение, перестань! Могучее землетрясение, уходи!

И когда он остановился, земля в самом деле перестала трястись!

Мы восхищенно уставились на отца, а он лег в кровать и велел нам уходить. В благоговейном молчании мы вышли из родительской спальни.

Думаю, не нужно объяснять, какое влияние это оказало на наши неокрепшие умы. Уже лежа в своих кроватях, мы с братом пришли к однозначному выводу.

– Наш отец умеет колдовать, – торжественно провозгласил Мика.

И я всецело был с ним согласен.

Этот случай заставил нас увидеть отца в ином свете – в новом, волнующем свете. Я рассказал все школьным друзьям, и они тоже сильно удивились.

Отец умел останавливать и дождь. Не постоянно, а лишь когда мы ехали в машине, да и то ненадолго. Каким бы сильным ни был дождь, отец оглядывался и иногда спрашивал, готовы ли мы к прекращению дождя. Если мы отвечали: «Да», он советовал нам закрыть глаза и не подглядывать. Потом говорил: «Стоп» – и дождь прекращался! На миг воцарялась тишина, капли больше не барабанили по крыше машины, а потом дождь вдруг снова начинался.

– Чтобы остановить дождь, нужно много силы, я не могу сдерживать его долго, – объяснял отец.

Только несколько лет спустя я заметил, что колдовство срабатывало у отца, только когда мы проезжали под мостом.

* * *

В 1972 году в нашей семье кое-что поменялось. Сестра начала учиться в подготовительном классе, и мама вышла на работу, так что после школы мы были предоставлены самим себе. Предполагалось, что за нами будет приглядывать соседка, но она редко это делала. Мы сообщали ей, что пришли из школы, а потом занимались своими делами. Ее это полностью

устроивало. Она принадлежала к типу нянь «если что – зовите, а я пока посмотрю мыльную оперу». К тому же мы так привыкли быть одни, что не нуждались в присмотре.

Неудивительно, что у нас с братом в детстве было столько травм. Брошенный подростком камень раскроил мне голову – потом к парню наведалься полиция, а мой отец пригрозил ему серьезными побоями, если подобное еще раз повторится. Осваивая велосипед, я лишился двух зубов, растянул запястья и лодыжки и чуть не отрезал палец осколком стекла. Брат получал такие же повреждения, только чаще и серьезнее.

В больницу нас водили редко – в основном чтобы сделать прививки. Под «редко» я подразумеваю ситуацию из разряда смертельной угрозы для жизни. К стоматологу я впервые пришел в восемнадцать лет. Иногда я задавался вопросом – сколько крови мне нужно потерять, чтобы родители сдались и отвели меня в больницу? Они избегали визитов к врачу не из религиозных побуждений – просто были убеждены, что это станет не только пустой тратой времени, но и обойдется дороже, чем они могут себе позволить. Так что нам советовали терпеть, а врачей мы с братом видели только по телевизору.

Помнится, когда мне в голову кинули камень, кровь буквально залила лицо, я плохо видел, меня шатало, и я едва добрал до дома.

– Завтра все будет в порядке, у тебя толстый череп, – взглянув на меня, сказала мама.

К счастью, мой череп и правда был прочным, а рана зажила сама по себе.

Примерно в это же время сестра заболела эпиглоттитом, у нее сильно воспалился надгортанник. Ни я, ни Мика не знали, что случилось с сестрой, почему она пышет жаром, бледнеет, бредит и всю ночь страдала тошнотой. Верно оценив степень опасности, родители повезли нас в больницу. К несчастью, медицинской страховки у сестры не было, и требовалось заплатить двести долларов. Отец поехал на поиски тех, кто одолжит ему денег, мама ушла в больницу с сестрой, а мне и Мике приказала ждать под деревом рядом с парковкой.

– Не вздумайте ходить сюда, сюда и вон туда, – наказала она нам, очертив в воздухе квадрат футов в двенадцать.

Даже в том возрасте мы уловили в голосе мамы страх и осознали, что нужно делать так, как она велит.

Стояла жара градусов под сорок. Ни еды, ни воды нам не оставили, и последующие часы мы развлекались тем, что залезали на дерево или бродили вдоль границ воображаемого квадрата. Это была такая игра – подобраться к ним как можно ближе, однако не пересекать. В какой-то момент я споткнулся и упал за невидимую черту. Я сразу же поднялся, но долгое пребывание здесь и осознание, что я нарушил мамин запрет, сделали свое дело – я заплакал. Как всегда, брат кинулся меня утешать. Обняв за плечи, он увел меня в тень дерева, где мы и просидели, казалось, еще несколько невыносимо долгих часов.

– Думаешь, Дана умрет? – спросил я.

– Нет.

– Что с ней?

– Не знаю.

– Тогда откуда тебе знать, что она не умрет?

– Потому что она не умрет. Просто знаю, и все.

Я мельком посмотрел на него.

– Мама испугалась. И папа тоже.

Мика молча кивнул.

– Я не хочу, чтобы она умерла, – сказал я.

Я впервые задумался о смерти. Семья у нас небольшая, но дружная. Пусть Дана младше всех и не похожа на меня и Мику, она взяла лучшее от мамы. Сестра жизнерадостная, часто смеется и улыбается, и я играю с ней в те дни, когда не гуляю с Микой. Как и я, она любит игрушечный набор «Джонни Вест», и по вечерам мы вместе часами играем.

Наверное, на парковке мы с братом представляли собой любопытное и печальное зрелище. Люди выходили из машин, навещали кого-то в больнице, возвращались обратно – а мы по-прежнему сидели под деревом. Некоторые предлагали купить нам газировки и еды, но мы качали головой и утверждали, что не голодны – нас приучили ничего не брать у незнакомцев.

Ближе к вечеру брат полез на дерево, сорвался и упал на асфальт. Закричав, он протянул мне руку, запястье на которой опухало и темнело. Мы ахнули – перелом? Может, нужно нарушить мамин приказ и пойти в больницу, показать ей руку Мики? Может, нужна гипсовая повязка?

Однако мы никуда не пошли. Просто не смогли. Позже выяснится, что наша сестра выздоравливает, а запястье Мики не сломано, но в тот момент мы этого еще не знали. Мы испуганно прижались друг к другу и остаток дня просидели так, почти не разговаривая.

Глава 4

Я выслушал сентенцию Мики о том, что обкрадываю себя, не испытывая предвкушения от путешествия, повесил трубку и задумался. О его словах. О словах Кэти. О словах моего литературного агента. О словах всех тех, кому я рассказывал о путешествии. Однако невзирая на разумные доводы и даже на то, что идея с путешествием принадлежала мне, я все равно не ощущал радостного волнения.

Нельзя сказать, что мои дни проходят в мрачном унынии. Откровенно говоря, я получаю глубокое удовлетворение от того, что делаю. Кэти права – я занимаюсь делами потому, что мне это нравится. Быть может, беда в том, что все мои силы уходят на выполнение трех обязанностей – отца, мужа и писателя, – а на все остальное просто не хватает времени? И пока все укладывается в эти рамки, я чувствую уверенность и даже преуспеваю. Но поскольку в пределах этих обязанностей почти ничего не меняется, мысль о том, чтобы расширить границы и сделать что-нибудь новое – попутешествовать, провести три недели с братом – кажется совершенно невозможной; более того, заставляет жалеть о сделанном выборе. На меня вдруг снизошло редкое в тот год туманных мыслей просветление, и я осознал, что слишком уж заиклился на своих обязанностях.

Да что я за человек такой, если меня не радует мысль о кругосветном путешествии?! И как это изменить? Ясно лишь одно – я не хочу вечно пребывать в подобном состоянии. Нужно как-то сбалансировать свою жизнь.

Разумеется, тысячи книг и ток-шоу предлагают способы наставить человека на путь истинный, и разномастные эксперты кричат о том, что знают верный ответ... Но я подсознательно жаждал выяснить все при помощи единственного в моей жизни человека, который пережил то же, что и я – моего брата.

Последние три года и Мика переживал нелегкие времена – в частности это касалось веры в Бога. Брат почти перестал молиться, с ним стало невозможно обсуждать религию. Кристина, его жена, несколько раз обсуждала это со мной – она была истой христианкой, как и Мика некогда, – и я начал осознавать, что мы с братом можем помочь друг другу. Я перестал думать о путешествии, как о поездке вокруг земного шара; для меня забрезжила возможность вновь осознать, кто я есть.

Детство вспоминалось мне безоблачным, словно его никогда не омрачали неприятности. А если неприятности и всплывали в памяти, то я гордился ими, как знаками почета. Опасности с годами превратились в комичные анекдоты, болезненные моменты стали милыми невинными историями. В прошлом, отвечая на вопрос о родителях, я называл их обычными и заурядными, как и все мое детство. Позже я начал понимать, что мои ответы, в целом правдивые, в чем-то были ложью. Однако пока у меня не появились дети, я не осознавал той ежедневной ноши, что ложилась на плечи родителей.

Родительство всегда сопряжено с тревогой. Отец и мать держали нас на длинном поводке, но все равно тревожились за нас. Воспитывать детей не легко, однако супружеская жизнь подчас еще труднее, и мои родители не стали исключением.

В начале 1972 года они пытались сохранить брак. Мы, дети, были еще слишком малы и не знали всех подробностей, однако заметили, что отец начал насвистывать. Незнакомые мелодии с возрастающими и падающими интонациями стали первым признаком его раздражения, который мы научились распознавать – нечто вроде «Предупреждения о повышенной боеготовности номер один». Иногда отец начинал с ворчанием ходить кругами, отказываясь с кем-либо разговаривать – это было «Предупреждение номер два». Когда он поджимал губы, мы диагностировали «Предупреждение номер три». Когда краснел – «Предупреждение номер четыре». Порой отцу удавалось предотвратить взрыв, но если он достигал состояния, которое

мы называли «Предупреждение номер пять»: лицо перекашивалось, а кончик языка высывался наружу, – то нам оставалось либо бежать, либо прятаться. Мы знали – сейчас он схватится за ремень, который в деле наказания заменил мухобойку.

Со временем отец все чаще начал впадать в подобное состояние. Я его не виню. В 1963 он был юным голодным студентом, недавно обзаведшимся женой, однако девять лет спустя он оставался все тем же голодным студентом, только ко всему прочему прибавилась забота о содержании семьи из пятерых человек. Из-за работы его обучение продвигалось черепашьями темпами, а попытка написать диссертацию вечером в гостиной, где играют трое детей, кого угодно могла свести с ума.

Зато мама по-прежнему души в нас не чаяла. Она обладала удивительной способностью забывать, как плохо мы себя вели, причем ее умение прощать зависело все от той же стойкости, которую она нам прививала. Как бы мы ни буянили, как бы далеко ни забредали от дома, ни у кого не возникало сомнений, кто тут главный. Если мама говорила быть дома к обеду, мы возвращались к обеду. Если требовала убраться в комнате, мы тут же бросались убираться. Если мы ошибались, она следила за тем, чтобы мы исправили ошибку. Если было нужно, она защищала нас яростно, как медведица своих медвежат. Когда учительница отшлепала Мику, мама ворвалась к ней в кабинет, волоча за собой Мику и меня.

– Если вы еще раз шлепнете моего сына, я позвоню в полицию, и вас арестуют! Не смейте прикасаться к моему ребенку!

Обратно мы с Микой шли важные, будто петухи. Выкуси, старая карга! Наша мама показала, кто тут главный!

– Мама, ты лучше всех! – гордо заявил Мика.

Мама обернулась и наставила на него палец.

– Я знаю, почему она тебя наказала! Ты это заслужил, и если ты еще хоть раз заговоришь с ней подобным образом, я тебя накажу так, что мало не покажется!

– Я понял, мам.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

– Да, мам.

– Ты ведь знаешь, что я всегда вступлюсь за тебя?

– Да, мам.

– Но я все равно расстроена твоим поступком и накажу тебя.

И она наказала Мику. Однако недовольство мамы ранило нас сильнее. Мы не любили ее расстраивать.

* * *

Невзирая на постоянное напряжение, в котором пребывали родители, отцу по мере нашего взросления все больше нравилось проводить с нами время. Иногда он разрешал нам забираться к нему на колени, когда смотрел какой-нибудь ужастик по телевизору – он обо-жал фильмы ужасов, – и мы ценили подобные моменты, предвкушали их, будто излюбленное лакомство. Вскоре мы стали опытными экспертами в деле правильного убиения вампиров и оборотней в случае, если наша семья подверглась бы их нападению. Мы с Микой даже вырезали колышки из деревянных палочек от мороженого и хранили их под кроватью.

Иногда, в еще более редкие моменты покоя, отец играл для нас на гитаре. Мелодии лились свободно и уверенно из-под его пальцев, и однажды он удивил нас признанием, что некогда играл в музыкальной группе.

Нас это изрядно впечатлило. Значит, отец не только обладает магической силой, но и сам по себе невероятно крут! Этот второй факт затмил для нас первый. В конце концов, мы знали, что круты не только мы сами, но и наши родители. И вот мы получили этому подтверждение.

Нам нравилось представлять, как отец играет перед визжащей от восторга толпой – как на концерте «Битлз», который мы видели по телевизору. Мы долго обсуждали это с братом, однако отец лишь рассмеялся, когда мы спросили, как он отбивался от фанаток.

– Моя группа была не настолько популярной, – объяснил он.

Мы ему не поверили. Не может быть. Он был в музыкальной группе. Он профессионально играет и поет. И жил в Англии. Какие еще доказательства нужны? Мало-помалу мы убедили себя в том, что отец не только знал Пола Маккартни и Джона Леннона, но и немало поспособствовал их успеху.

Помимо просмотра ужастиков нашим любимым времяпровождением стало слушать игру отца. Как только он начинал настраивать гитару, мы бросали все дела, затихали и садились у его ног.

Отец не спешил, сначала добивался идеального звука, подкручивая колки. Он редко начинал петь сразу – наверное, стеснялся, – и предпочитал для начала наиграть две-три песни, иногда отбивая такт ногой. Его пальцы невероятно быстро порхали по струнам, будто ими управляла неведомая сила. Потом отец начинал петь, и мы восторженно внимали. Когда же он наконец начинал исполнять что-нибудь из репертуара «Битлз», мы с Микой и Даной обменивались многозначительными взглядами, словно говоря: «Вот видите!»

* * *

Должно быть, в ответ на растущую в семье напряженность – к тому времени родители ругались на все подряд темы, начиная с нехватки денег и заканчивая отстраненностью отца, – мама начала приходить к нам перед сном и лежать рядом с каждым из нас по очереди. Тогда я еще многого не понимал и считал это очередным способом выказать нам свою любовь. Теперь я думаю, что таким образом она пыталась хоть ненадолго расслабиться. Лежа рядом с нами, мама расспрашивала нас о том, как прошел день, и мы шепотом отвечали, делясь с ней всем, что приходило на ум. Мы говорили о Боге, школе или друзьях, а она изредка отвечала, но гораздо чаще просто слушала, позволяя нам перескакивать с одной темы на другую. Мама была теплая и мягкая, словно подушка, и в эти драгоценные мгновения рядом с ней мы ощущали себя как в раю.

Позже приходил отец и подтыкал нам одеяла. Он возвращался поздно, чаще всего мы в это время уже спали. Однако стоило лишь входной двери с тихим скрипом открыться и впустить свет из коридора, как я сразу же просыпался.

Порой я притворялся спящим – хотел увидеть, что отец станет делать. Он всегда делал одно и то же, неважно, спали мы или нет: подходил к кровати, ласково гладил спящего по голове и подтыкал одеяло. Затем молча стоял несколько минут и целовал в щеку. После рабочего дня отец обычно выглядел уставшим, а его подбородок был шершавым, как наждачка. Пахло от него «Олд спайсом» и сигаретами. Отец шептал каждому из нас: «Я люблю тебя», и только тогда день ощущался завершенным. Я засыпал, согретый и умиротворенный, и спал беспробудно всю ночь.

Видимо, родители поняли, что их ссоры сказываются на нас и в тот год мы увидели настоящее чудо, единственное за все наше детство.

Рано утром я проснулся от того, что сестра пихала меня в бок.

– Идем! Не представляешь, что я сейчас видела!

– Что там?

– Идем! Быстрее! Я уже разбудила Мику.

Потирая глаза, я вслед за братом и сестрой вышел из спальни. Вдруг они остановились. Мика обернулся, посмотрел на меня широко распахнутыми глазами и указал на кухонный стол.

Я посмотрел туда и заморгал. Посреди стола лежали два пластмассовых меча и пластмассовая корона. Абсолютно новые.

– Откуда они взялись? – спросил я.

– Что это значит? – подхватила Дана.

– Странно все это, сегодня не Рождество и не день рождения, – добавил Мика.

Мы выдвинули стулья, сели и уставились на игрушки. Разумеется, мы хотели потрогать их, но не тронули. Просто не смогли – так ошеломило нас их неожиданное появление.

– Может, мама или папа купили подарок кому-нибудь из наших знакомых? – спросил я.

– Вряд ли, – ответил Мика.

– Может, они для нас? – предположила Дана.

– Не глупи. Родители не покупают детям вещи просто так, – тут же возразил Мика.

– Так и есть, Дана. Это одно из правил, – подтвердил я.

Игрушки лежали на столе соблазнительно близко. Вдруг они для нас? Нет, не может быть. Однако я не мог отвести глаз от меча. Его так легко взять... Моя рука поползла вперед.

– Не тронь! Мама и папа разозлятся, – предупредил Мика.

– А я думаю, что это для нас, – повторила Дана.

– Нет, – отрезал Мика.

Но смотрел он на игрушки. Дана тоже.

– Может, спросим маму и папу?

– Я не пойду, – сказал Мика. – Они спят. Ты ведь знаешь, как они сердятся, когда мы их будим.

– Я тоже не пойду. – Я покачал головой.

– Я пойду, – поднявшись из-за стола, сказала Дана.

Секундное колебание – и сестра вошла в спальню родителей.

– Какая она смелая, – восхитился Мика.

– Надеюсь, ее не слишком сильно накажут, – шепнул я.

Мы ждали криков, но их не последовало. Дана вышла из комнаты, закрыла дверь и подошла к нам.

– Они все еще спят? – спросил я.

Дана покачала головой.

– Нет, мама уже не спит. Она сказала, что эти игрушки для нас. Что их принес нам папа. Какое-то время я удивленно смотрел на нее, не в силах поверить.

– Она так сказала?

– Да.

– И мы можем играть ими?

– Видимо, да.

– Ты уверена, Дана?

– Мама так сказала, – настойчиво повторила сестра.

Наши взгляды метнулись к столу, дрожащие руки потянулись к игрушкам. Меч оказался легким. Абсолютно новым. И я получил его просто так, без причины.

Дана взяла корону и осторожно надела ее. Мика взял второй меч, взмахнул им и улыбнулся.

– Пойдем играть на улицу! – воскликнул он.

– Во что будем играть? – спросила Дана.

– Ты будешь принцессой, а мы рыцарями. Мы будем защищать тебя!

– От чего?

– От драконов и плохих людей. Идем, поищем крепость!

– Может, сначала оденемся? Мы же до сих пор в пижамах!

– Потом оденемся! – нетерпеливо отмахнулся Мика. – Давайте сначала поиграем! И раз уж ты спросила маму и папу, то будешь отдавать нам приказы. А мы станем защищать тебя!

И мы пошли играть. Мы играли несколько часов, защищая сестру от зла. Мика и я убили бесчисленное количество воображаемых чудовищ. Дана звала нас сэр Мика и сэр Ники, а мы спасли ее жизнь не меньше сотни раз. Однажды она уже чуть не умерла по-настоящему, и мы никогда больше этого не допустим.

Когда мы возвращались домой, сестра держала нас за руки.

– С моими рыцарями я всегда буду в безопасности. Я так люблю вас обоих! – говорила она.

Даже недели спустя она продолжала называть нас придуманными именами – и мы с Микой ощутили, что должны оберегать Дану так же, как наши родители. Спокойная и милая, она, в отличие от нас, жила в ладу с миром. Дана была нашей принцессой, и мы решили всегда заботиться о ней.

* * *

Шло время, и родители ссорились все чаще. Обычно это происходило по ночам, когда мы крепко спали. Их громкие голоса будили нас, и мы друг за другом – сначала Мика, потом Дана, а после них и я – садились в кроватях и слушали. Мы вздрагивали от каждого громкого возгласа и переглядывались, желая, чтобы это прекратилось, и родители снова были счастливы. Обычно ссора длилась час или больше. Мы время от времени смотрели на Мику, но эта сфера жизни была вне даже его понимания.

– Почему они ругаются? – удивлялась Дана.

– Не знаю, – отвечал Мика.

– Кто начал первым? – спрашивал я.

– Вряд ли взрослые ругаются таким образом. Наверное, они начинают вместе.

– Почему бы им не поцеловаться и перестать беситься? – спрашивала Дана.

– Не знаю.

– Может, помолимся?

Мика кивал, и мы молились и слушали, пытаясь понять, помогают ли наши молитвы. Иногда они помогали, иногда нет, но в конце концов мы снова ложились. Уставившись в потолок, мы разглядывали тени, ощущая страх гораздо более сильный, чем при просмотре отцовских ужастиков.

Глава 5

22–23 января,

г. Форт-Лодердейл, штат Флорида

Близился день отъезда, и мы с женой принялись покупать вещи, которые могут понадобиться в путешествии. По требованию ТСС, вещи следовало упаковать в один чемодан, и среди них обязательно должна быть одежда для разных сезонов. Легче сказать, чем сделать: сначала мы побываем в южном полушарии в разгар лета, и температура в Австралии будет выше сорока градусов, а завершим путешествие зимой, в Норвегии, в трехстах милях от Северного полярного круга.

Я взял предметы личной гигиены – большинство из них можно легко купить в США, но не в Камбодже или Эфиопии, где средний годовой доход не превышает пятьсот долларов. Я положил в чемодан три пары брюк, три футболки и шесть рубашек в придачу к нижнему белью и прочим мелочам, которые, как мне казалось, могли понадобиться. Также прихватил пару крепких кроссовок из кожи и гортекса.

Еще я взял напрокат спутниковый телефон, хотя меня предупредили, что связь не всегда будет стабильной – из-за удаленности, перепадов ландшафта и постоянного передвижения спутника. Я смогу звонить Кэти, однако из-за регулярной смены часовых поясов и перелетов связь вряд ли будет надежной. В чемодане и ручной сумке даже осталось немного свободного места – для сувениров.

Работы не стало меньше: роман, который я уже должен был дописать, едва подошел к середине, и я не знал, как его продолжить. Я так много думал об этом, что не мог спать, и пообещал Кэт на время его отложить. Однако все же положил в сумку ноутбук – на случай, если передумаю.

Оставшуюся до поездки неделю я старался как можно больше времени проводить с детьми. Вечером перед отъездом Кэт и я на прощание поужинали в ресторане, и на следующий день она проводила меня в аэропорт. Хотя путешествие должно было начаться двадцать четвертого января, в пятницу, мы с братом вылетали в Форт-Лодердейл двумя днями раньше и собирались встретиться в местном аэропорту.

– Ну вот и все, – сказал я, пытаюсь ощутить воодушевление от предстоящего путешествия. Я осознавал необходимость этой поездки, но уезжать все равно не хотел. Эта двойственность даже успела стать привычной.

– Ты все взял? – волновалась Кэти. – Паспорт, телефон, деньги...

– Все.

Она кивнула.

– Отдохни хорошенько.

– Я постараюсь.

– Нет, ты просто расслабься и хорошо проведи время.

Я обнял ее.

– Я люблю тебя, Кэт.

– Я тоже тебя люблю.

– Целуй детей за меня каждую ночь.

– Обязательно.

– Постарайся не перенапрягаться.

Кэт засмеялась – видимо, собиралась сказать мне то же самое.

– С тебя причитается. Ты не представляешь, сколько будешь мне за это должен!

– Знаю. Чувствую, несколько месяцев мне придется закрывать глаза на расходы с кредитной карты.

– Не месяцев, а лет. Или даже десятилетий.

Мы поцеловались на прощание. Во время полета я думал о том, как мне повезло с женой. О путешествии я не думал вообще.

Два часа спустя самолет сел в солнечном Форт-Лодердейле. Я получил чемодан, позвонил Кэт и опустился на скамью в багажном терминале аэропорта, дожидаться брата.

Он появился через полчаса. Высокий и светловолосый, брат выделялся в толпе. Заметив меня, Мика замахал обеими руками над головой. Я знал, что сейчас будет, и поежился.

– Брат мой Ники! Я наконец прибыл, праздник можно начинать! – прогремел голос брата.

Прохожие принялись удивленно озираться. Их взгляды остановились на мне.

– Мой брат нечасто выбирается из дома, – пробормотал я.

И вот мы уже обнимаемся с ним посреди образовавшегося в толпе пустого пятка.

– Смотрю, ты в хорошем настроении, Мика.

– Выпил пару коктейлей в самолете, чтобы создать подходящий настрой. Не верится, что мы все-таки едем. Через два дня начнется наше приключение. – Он положил руку мне на плечо. – Ну как, ты уже предвкушаешь его?

– Конечно.

– Ничего подобного. Предвкушение выглядит так. – Он указал на себя. – А ты не выглядишь взволнованным.

– Я не демонстрирую.

Мика закатил глаза и сменил тему.

– Как долетел?

– Нормально. А ты?

– Потрясающе! Сидел рядом с милой парой, рассказывал им о путешествии. Они не поверили. Ты уже звонил Кэт?

Я кивнул.

– Да, несколько минут назад. Не хочешь позвонить Кристине?

– Чуть позже. Сейчас я хочу немного пройтись, размяться после полета. Нужно быть в форме, следующие несколько недель мне предстоит много ходить.

– Да неужели?

– Разве я не говорил? – Он повысил голос и почти прокричал: – Я собираюсь в кругосветное путешествие со своим братом!

Люди отодвинулась еще дальше, некоторые смотрели на нас с опаской.

– Есть хочешь? – спросил Мика.

– Немного.

– А я умираю с голоду. Может, перекусим после того, как забросим багаж в гостиницу?

– Давай.

Багажная карусель наконец пришла в движение, и я принялся высматривать чемодан брата.

– Вон тот, красный, – подсказал Мика.

Такой громадины я еще не видел. Чемодан был прямо-таки гигантским – раза в два больше моего, он едва ли не трещал по швам. Мика вцепился в него обеими руками, поднял, крикнув от натуги, и опустил на пол. Чемодан будто бы стал еще шире.

– Все, я готов. Идем.

– Ты точно ничего не забыл дома?

– Я взял все, что мне нужно.

Я посмотрел на чемодан.

– Он выглядит так, будто ты сунул туда козу или овцу.

– Видишь ли, сколько ни возьми вещей в путешествие – все будет мало.

– Мне всегда казалось, что верно обратное.

– Нет, это всего лишь выдумка авиакомпаний. – Мика подмигнул мне. – Не верь в нее. А если тебе чего-нибудь вдруг не хватит во время путешествия – не беспокойся, я с тобой поделюсь.

* * *

Мы выбрали ресторанчик в центре Форт-Лодердейла и пообедали снаружи, наблюдая за прохожими. Вдруг во время веселой болтовни Мика замолчал. Откинувшись на спинку стула, он искоса посмотрел на меня и спросил:

- Ты что, до сих пор еще не настроился на нужный лад?
- Почти настроился.
- А ты не думал, что у тебя может быть депрессия?
- У меня нет депрессии. Я просто занят.
- В нашем роду это не редкость. Кое-кто из наших родственников страдает от депрессии.
- Я не страдаю от депрессии.
- Они лечатся. Тебе бы тоже не мешало.
- Мне не нужно лечение.
- Нехорошо отрицать очевидное, Ники.
- Я не отрицаю.
- Нет, отрицаешь.
- Тебе говорили, что ты зануда?
- Ага, Кристина иногда говорит.
- Умная женщина.
- Да. Но ее здесь нет, и речь идет о тебе. Так почему ты впал в депрессию, братишка?

Ты не радуешься предстоящему путешествию, хотя мы уже вот-вот отправимся. Поговори со мной. Давай я побуду твоим мозгоправом.

– У меня нет депрессии. Повторяю, я просто погряз в делах. Ты не представляешь, как я был занят. Сейчас... сейчас неподходящее время для путешествий.

– Неправда. – Мика покачал головой. – Ты предпочитаешь плыть по течению, а секрет в том, чтобы плыть туда, куда нужно тебе. Нужно жить так, как хочешь.

– Ты всегда так говоришь.

– И это правда! Вот ты, например, не можешь расслабиться только потому, что просрочил все свои дедлайны и хочешь наверстать упущенное, правильно?

– Да.

– А что случится, если ты не успеешь до дедлайна? Тебя уволят?

– Нет, но...

– Но тебе кажется, что случится что-то плохое, – закончил Мика за меня. – Иными словами, ты делаешь выбор. И если это твой выбор, то прими его, но не позволяй довлеть над собой. Точно так же ты можешь сделать выбор – и начать радоваться путешествию. Все зависит от тебя.

Я отвел взгляд и покачал головой.

– Не все можно выбрать. Иногда жизнь ставит тебе подножку.

– Думаешь, я этого не знаю? К твоему сведению, путешествие обещает быть грандиозным. Вот увидишь – в итоге ты будешь рад, что поехал. И поблаговаришь меня за то, что я взял тебя с собой.

– Вообще-то это я тебя позвал.

– Точно. Ну так будь хорошим хозяином и не порти мне кайф. – Мика повернулся и позвал официантку. – Этому парню нужен коктейль!

Я невольно рассмеялся.

То ли беседа с братом меня взбудрила, то ли коктейль, однако путешествие начало вызывать у меня интерес. Мне стало неважно, есть ли у меня лишнее время – хорошее настроение Мики оказалось заразительным. Впрочем, он всегда так на меня действует. Уверенность и беззаботность Мики делает его душой компании – он был свидетелем на шести свадьбах. Подумать только, на шести!

На следующий день мы пошли в офис ТСС, чтобы отметить о приезде. Мы подписали документы, отдали паспорта и получили багажные номерки – большие, розовые и пронумерованные: команда ТСС легко сможет подсчитать каждую сумку. Несомненным плюсом, как мы узнали позже, являлось то, что ТСС сама забирает багаж. Нам нужно только в определенное время вынести его из номера.

В полдень мы отдохнули у бассейна, а вечером пришли на вечеринку, где познакомились с будущими попутчиками.

В путешествие ехали восемьдесят шесть человек, большинство из них оказались гораздо старше Мики или меня. Мы начали постепенно знакомиться с ними и в конце концов перешли в зал для торжеств, где были накрыты столы. Пока все ели, нам представили команду ТСС, большая часть которой поедет с нами во избежание накладок, а также нескольких приглашенных лекторов и Джилл Ханну, врача.

Она была старше нас на несколько лет, всегда охотно улыбалась и в конце путешествия стала нам добрым другом. Будто предчувствуя это, сейчас она села за наш столик.

– Что-нибудь посоветуете? – спросил я.

– Не ешьте овощи или зелень, даже в приличной гостинице.

– Они могут быть напичканы удобрениями или немытыми?

– Нет, просто их моют в местной воде, а она может оказаться недостаточно чистой.

– Что-нибудь еще?

– После чистки зубов не полощите рот водой из-под крана. Соблюдайте эти предосторожности, и все будет хорошо. Я расскажу о них и остальной группе, но чуть позже, когда придет моя очередь выступать. Но вот увидите – половина группы пропустит мои предостережения мимо ушей и заболеет. А заболеть во время такого путешествия... уж поверьте, совсем не весело. – Ее взгляд перебежал с Мики на меня и обратно. – Вы братья? Близнецы? – уточнила она после нашего кивка.

Нас довольно часто принимают за близнецов.

– Нет. – Я покачал головой.

– Вы старший?

– Нет, старше он. – Я поморщился.

Мика с довольным видом откинулся на спинку стула. Он наслаждался тем, что почти все, кто видел нас вместе, считали его младшим.

– Я всегда советую ему лучше ухаживать за собой.

Женщина улыбнулась.

– Вы женаты?

– Да, оба, – ответил я.

– Почему вы поехали друг с другом, а не с женами?

Мы объяснили насчет детей и показали фотографии наших семей.

– Это замечательно, что вы едете вдвоем, – сказала она наконец. – Братья нечасто так близки, как следовало бы. Вы всегда с таким теплом относитесь друг к другу?

– Не всегда, – поколебавшись, признался я.

* * *

В 1973 году, в середине учебного года, мы переехали в Гранд-Айленд. Точнее, переехали все, кроме отца – мама объяснила, что ему нужно завершить диссертацию. Мы поселились в небольшом доме на две семьи недалеко от ее родителей. Отец и впрямь дописал в тот год диссертацию, но на самом деле они с мамой расстались. Мы узнали правду очень нескоро.

Гранд-Айленд, маленький сонный городок, находился посреди штата Небраска и сильно отличался от Лос-Анджелеса. Дома разделяли огромные лужайки, а наши бабушка и дедушка жили напротив начальной школы. В отличие от остальных школ, в которых мы учились, в начальной школе имени Гейтса имелись огромные стадионы и бейсбольные площадки. Недалеко находились железнодорожные пути, по которым то и дело ходили поезда.

Вскоре мы с братом уже раскладывали на рельсы мелкие монетки, чтобы их сплющило поездом. Впрочем, в Гранд-Айленде было не так много объектов для обследования и меньше возможностей попасть в беду, чем в Лос-Анджелесе: ни пустых, пострадавших от пожара домов, чтобы сделать из них крепость; ни мостов для лазанья; и даже местные вброды не нападали на нас. Здесь мама стала работать помощницей оптометриста – специалиста по подбору очков, – и после школы мы шли к бабушке с дедушкой. Бабушка кормила нас самым лучшим полдником в мире: шоколадным напитком и гренками с корицей, а потом мы играли во дворе или спускались в подвал, где дядя Джо хранил модельки самолетов. Их было больше сотни, включая «Спитфайр» и японский «Зеро», и дядя собирался однажды передать их в музей. Самолетики были раскрашены с исключительной достоверностью, и, хотя нам не разрешалось их трогать, мы часами могли любоваться ими.

Менять школу в середине учебного года всегда трудно, и первые несколько недель мы с братом после уроков проводили время вместе, как бывало в Лос-Анджелесе. Мы катались на велосипеде в парках, где нередко сталкивались с играющими детьми, некоторые из которых были нашими одноклассниками. Месяц спустя они катались там на санках с горок.

К этому времени разница в нашей внешности стала заметнее. Мика был выше, сильнее и мускулистее меня и ничего не боялся. Он воспринял переезд как очередное приключение, с легкостью заводил друзей и вел себя с уверенностью, которая мне и не снилась. Я же постоянно чего-нибудь боялся. Боялся попасть в беду. Боялся получить плохие оценки. Боялся, что другие подумают обо мне плохо. Боялся сделать что-нибудь неправильно. Боялся общаться с «не теми» детьми. И хотя я тоже завел новых друзей, мне пришлось долго привыкать к новому окружению.

Зима сменилась весной, и Мика начал все меньше и меньше нуждаться в моем обществе, а когда я увязывался за ним, относился ко мне как к обузе. Он сдружился с Куртом Гриммингером, мальчишкой из его класса, чья семья жила на ферме за городом. Мика почти каждый день ходил туда, и они с Куртом часами играли: боролись в амбаре, ездили на тракторах и лошадях, стреляли в свиней и коров из пневматического пистолета. Позже, за ужином, Мика развлекал нас захватывающими историями. Трудно было удержаться от зависти – мои скромные развлечения не шли ни в какое сравнение с его времяпровождением.

Примерно в то же время мы впервые подрались. Не помню, с чего началась ссора: слово за слово, и дело дошло до кулаков. Мика ударил меня в живот, и я задохнулся. Он повалил меня на пол, сел сверху и принялся молотить кулаками. Я не мог защититься и покорно сносил удары.

Мама вскрикнула и, сдернув Мику с меня, сильно его отшлепала. Я с трудом встал, мама взяла меня за плечи и спросила:

– Что случилось?

– Он ненавидит меня!

Я испытывал одновременно боль и унижение и, когда мама попыталась утешить меня, стяхнул ее руку.

– Отстань! – крикнул я и убежал.

Я не понимал, куда бегу, я лишь не хотел ни с кем говорить, не хотел никого видеть, не хотел быть маленьким, не хотел жить в Небраске, не хотел ничьей жалости... Я хотел, чтобы все было как раньше, и бежал, бежал, бежал, будто надеялся повернуть время вспять.

Очнулся я у железнодорожных путей. Я сел под дерево и принялся смотреть на поезда. Они всегда ходили по расписанию, ровно через час, и я решил, что буду сидеть здесь, пока не пройдут два поезда. Но когда они прошли, я их даже не заметил – уронив лицо в ладони, я судорожно рыдал и страстно желал, чтобы этой драки не было. Впервые я плакал так сильно.

* * *

Когда я вошел в дом, уже стемнело и все сидели за столом, но мама поняла, что я не голоден, и кивком разрешила мне сразу пойти в мою спальню. Точнее, в нашу спальню – мы по-прежнему ночевали в ней вдвоем. Я лег на кровать и уставился в потолок.

Мой гнев стих, и я ощущал растерянность. Я говорил себе, что хочу побыть один и самостоятельно разобраться в своих чувствах, и вместе с тем мне хотелось видеть маму. Подобно большинству детей я верил, что внимание неким образом равнозначно любви. Из нас троих мне меньше всего доставалось внимания, а значит, и любви. С Микой всегда обращались как со взрослым, а поскольку он первым пошел, заговорил и начал попадать в неприятности, ему и доставалось внимание, положенное первым в очереди. Наша сестра, как самая младшая и к тому же девочка, имела двойные привилегии. Она проводила с мамой больше времени, чем я или Мика, выполняла меньше обязанностей, редко попадала в неприятные истории, а еще имела больше обуви. Мотивировалось это все одной фразой: «Она ведь девочка».

Все чаще я начинал чувствовать себя одиноко.

Меньше, чем через час, когда я уже откровенно жалел себя, раздался стук в дверь.

– Входи, – сказал я и сел на кровати. Мне стало интересно, что скажет мама. Однако когда дверь открылась, в комнату вошла не мама, а Дана.

– Привет.

– Привет, а мама придет? – ответил я, заглядывая ей за плечо.

– Не знаю. Она послала меня спросить, не голоден ли ты.

– Нет, – солгал я.

Сестра подошла и села на кровать. Ее длинные светлые волосы были разделены пробором посередине, белая кожа пестрела веснушками – Дана походила на Джен Брейди из сериала «Семейка Брейди».

– Живот болит?

– Нет.

– Ты еще злишься на Мику?

– Нет. Мне теперь на него наплевать.

– Ого.

– Он ведь на меня внимания не обращает, так?

– Так.

– И мама тоже.

– Нет, мама тебя любит.

– Она волновалась обо мне, когда я убежал?

– Нет, она знала, что с тобой ничего не случится. Но она тебя любит.

Мои плечи опустились.

– Никто меня не любит.

– Я тебя люблю.
Я был не в настроении слушать сестру.
– Вот уж спасибо.
– Но я не за этим пришла. То есть, я не это хотела тебе сказать.
– Я же сказал, что не хочу есть!
– И не это тоже.
– Тогда зачем ты пришла?
Она обняла меня за плечи.
– Я пришла сказать, что буду рада стать твоим лучшим другом, раз уж Мика больше не хочет с тобой дружить.
– Мне не нужен друг.
– Как скажешь.
Я со вздохом обвел взглядом комнату.
– Хочешь поиграть в «Джонни Веста»?
– Да! – Сестра улыбнулась.

* * *

Следующие два месяца Мика играл со своими друзьями, а я проводили время с Даной, хотя это было не так увлекательно, как с Микой. Дана не хотела прыгать с деревьев, зато с ней было удивительно легко ладить. Иной раз я бывал с ней слишком груб, и она плакала, а я просил не рассказывать об этом маме. Но она все равно рассказывала. Дана говорила маме обо всем, и пусть она не хотела навлечь на меня неприятности, мне все равно приходилось выполнять дополнительную работу по дому под хмурым взглядом мамы.

Без отца и его угрозы постоянной «повышенной боеготовности» мой брат начал пробовать на прочность границы дозволенного. Он задерживался дольше допустимого, чаще дразнил меня, перечил маме и вообще в девять лет начал себя вести как самый настоящий подросток.

Маме приходилось нелегко. Ей тогда было тридцать лет, она работала целый день и не нуждалась в дополнительных неприятностях от нашей троицы – хватало постоянных и допустимых. Она стала строже к Мике, а тот начал вести себя еще хуже, однако в девять лет он, конечно, не мог противостоять маме. Она пользовалась политикой кнута и пряника умело, как самурай своим мечом. Она могла сказать: «Я тебя родила, и уж будь уверен, смогу и прибить», а вскоре смягчиться и распахнуть руки для объятий.

Ее взгляды на родственные отношения тоже не поменялись. Маме нравилось, что я и Дана теперь больше общаемся, но вот изменившиеся отношения между мной и Микой ее не радовали. Некоторые родители сочли бы соперничество братьев преходящим явлением и оставили все как есть; только мама не собиралась с ним мириться.

– Вы трое родня, так что ведите себя хорошо, – твердила она. Или: – Друзья приходят и уходят, а братья и сестры всегда остаются.

Мы с Микой ее слушали и, может, даже подсознательно понимали, однако продолжали ссориться, драться и идти каждый своим путем.

Однажды вечером, когда мы готовились ко сну, мама вошла в нашу спальню. Этим днем мы с Микой снова подрались, когда я случайно уронил его велосипед. Мама за ужином ничего не сказала о нашей драке, и я решил, что на этот раз она предпочла не обращать на нее внимания. Она, как всегда, помолилась вместе с нами, потом потушила свет и села рядом с Микой, который свернулся калачиком под одеялом. Они довольно долго шептались, дразня мое любопытство, а потом мама, к моему удивлению, подошла и под села ко мне.

Наклонившись, она погладила меня по голове, ласково улыбнулась и шепнула:

– Скажи мне три хороших поступка, которые Дана совершила сегодня по отношению к тебе. Любых, больших или маленьких.

– Она играла со мной, разрешила посмотреть мое любимое шоу по телевизору и помогла помыть мои игрушки.

Мама улыбнулась.

– А теперь скажи три хороших поступка Мики по отношению к тебе.

Это оказалось сложнее.

– Сегодня он не сделал мне ничего хорошего.

– Подумай получше.

– Он весь день был гадким.

– Разве он не пошел с тобой в школу?

– Пошел.

– Вот, видишь. Один хороший поступок уже есть. Подумай еще о двух.

– Когда я уронил его велосипед, Мика ударил меня не так сильно, как мог.

Мама сомневалась, что этот поступок такой уж хороший, но все-таки кивнула.

– Второй.

– Еще... – Я умолк. Сказать было больше нечего, абсолютно нечего.

Я долго собирался с мыслями и в конце концов что-то соврал, но мама приняла мой ответ и поцеловала меня, прежде чем отойти к Дана. Сестра справилась с ответами за десять секунд, и мама тихо вышла из спальни.

Я повернулся на бок и закрыл глаза, но тут внезапно раздался голос Мики.

– Ники?

– Что?

– Прости, что стукнул тебя сегодня.

– Ладно. А ты прости, что я уронил твой велосипед.

Мы помолчали, и тут в разговор вклинилась Дана:

– Ну как, теперь вам лучше?

Ночь за ночью мама спрашивала нас о трех хороших поступках, и мы каждый раз ухитрялись что-нибудь вспомнить.

К моему удивлению, мы с Микой стали все меньше и меньше ссориться. Возможно, нам было слишком трудно придумывать хорошие поступки, и в конце концов оказалось гораздо проще не только быть добрее, но и замечать, когда окружающие к тебе добры.

Учебный год завершился, я окончил второй класс, Мика – третий. В июне дедушка решил перекрыть крышу, а мы с Микой должны были помочь ему. Наши познания в кровельном деле и умение обращаться с инструментами можно было выразить одним словом – «э-э?». Но это не могло нас остановить – ведь нас ждало нечто новое, еще одно приключение, и следующие две недели мы постигали искусство забивания гвоздей, а наши ладони от молотка покрывались мозолями.

Приходилось работать на ужасной жаре – температура была под сорок градусов, стояла невыносимая духота. Мы сидели на горячей крыше, и нас время от времени подташнивало. Дедушка не возражал, чтобы мы работали у самого края крыши, а мы тем более.

За две недели я не только не покалечился, но еще и заработал семь долларов. Брату повезло меньше. Однажды в полдень, во время перерыва, он решил передвинуть мешавшую ходить лестницу. Он не знал, что на верхней ступеньке лежит кровельный резак – острый, тяжелый и похожий на ножницы инструмент. Мика шевельнул лестницу, резак рухнул вниз и задел его лоб. Хлынула кровь, на крик брата прибежал дедушка.

– Порез довольно глубокий, – мрачно сказал он. – Надо промыть. Сейчас включу шланг...

Это была единственная медицинская помощь, Мику не повезли ни к врачу, ни в больницу, он даже не отдыхал в тот день. Я смотрел на стекающую с Мики розовую воду и радовался, что у брата такой же толстый череп, как у меня.

* * *

К началу нового учебного года я привык к Небраске. Я отлично учился и подружился с некоторыми одноклассниками. После уроков мы играли с ними в футбол. Но когда летняя жара сменилась осенней прохладой, наша жизнь вновь радикально изменилась.

– Мы возвращаемся в Калифорнию. Уедем за пару недель до Рождества, – однажды за ужином сообщила мама.

Родители помирились, хотя в то время мы и не знали, что они расставались; отец начал преподавать менеджмент в Государственном университете Калифорнии в Сакраменто.

Наша жизнь в Небраске закончилась так же внезапно, как началась.

Глава 6

24–25 января,

Якса и Тикаль, Гватемала

В пятницу утром мы с Микой приземлились в Гватемале и вышли в мир, полностью отличающийся от того, из которого прибыли.

Пройдя таможню, наша группа села в поезд и поехала в Петён. За окном мелькали деревушки и ветхие домишки, которые, казалось, были слеплены из случайно подобранных вещей и материалов. Мы словно вернулись назад во времени, и я попытался представить, что подумали испанские конкистадоры, когда увидели эту землю. Они первыми обнаружили руины некогда процветавшей цивилизации, чьи большие города имели храмы высотой с современное двадцатипятиэтажное здание.

Я с детства интересуюсь майя и знаю, что они достигли интеллектуального развития, не сравнимого ни с кем в Новом Свете. В свой Золотой век, длившийся с 300 по 900 год н. э., цивилизация майя занимала территорию полуострова Юкатан, южную Мексику, Белиз, Гватемалу, часть Гондураса и Сальвадора. Их культура достигла расцвета среди джунглей и болот гватемальского Петена, где они построили города Яксá и Тикаль.

Цивилизация контрастов: наряду с жестокими культами, включавшими в себя человеческие жертвоприношения, майя за тысячу лет до европейцев имели представление о нуле и умели считать до сотен миллионов. Их математические познания позволяли создавать карты созвездий, точно предсказывать лунные затмения и разработать годовой календарь, состоящий из трехсот шестидесяти пяти дней, хотя, по имеющимся данным, майя так и не изобрели колеса.

Нас привезли в биосферный заповедник майя – большой парк с руинами, находящийся в Петене. Мы пообедали у озера и продолжили знакомиться со спутниками, большинство из которых путешествовали гораздо чаще Мики или меня. Через час мы выехали в Яксу.

Якса – это название лагуны и побережья рядом с ней, где полторы тысячи лет назад среди джунглей находился город. Некогда Якса был третьим по величине городом в империи майя и располагался милях в двадцати от Тикаля, самого большого и важного в церемониальном смысле города. Однако сейчас в Яксе мы увидели только деревья да выходящие меж холмов пыльные тропинки. Где-то среди густой листвы кричали обезьяны.

Гид начал рассказывать о городе и культуре майя, махая рукой в разных направлениях. Я посмотрел на Мику, брат пожал плечами. Когда гид поинтересовался, нет ли у кого-нибудь вопросов, я спросил:

– Когда мы уже попадем туда? В Яксу, я имею в виду.

– Мы уже в Яксе.

– Но где же здания?

Гид указал на окружающие нас холмы.

– Вокруг нас. Это не холмы, под каждым из них находится дом или храм.

Мы узнали, что деревья в этой части джунглей меняют листья трижды в год. Гниющие листья со временем разлагаются и смешиваются с землей, из нее прорастают травы, а потом и деревья. Они растут, матереют и умирают, уступая место новым деревьям. Здания поглотили джунгли, что неудивительно – город обезлюдел тысячу лет назад, а это три тысячи плотных слоев листвы и дерна. Джунгли беспрепятственно разрастались, понятно теперь, почему мы не увидели бы ничего похожего на город.

Впрочем, все оказалось не совсем так. Часть Яксы была восстановлена археологами примерно восемьдесят лет назад, почти так же, как сейчас восстанавливают Тикаль: срубая деревья и выкапывая из-под земли дома и храмы. Но дожди медленно уничтожали новообетенные

здания, а из-за нехватки денег реставрировать их было невозможно, и правительство страны решило финансовый вопрос в пользу Тикаля, позволив джунглям вновь поглотить Яксу.

Мика с по-детски удивленным лицом принялся оглядываться по сторонам.

– Неужели эти заросли возникли всего за восемьдесят лет? – спросил он меня. – В те года еще наши бабушка с дедушкой жили.

– Невероятно.

– Интересно, как здесь все будет выглядеть восемьсот лет спустя.

– Наверное, так же, как сейчас, – предположил я. – Только холмы станут больше.

– Скорее всего, да. – Мика прищурился, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь лесную чащу. – И как только нашли это место? Я хочу сказать – увидев земляной бугор, я ведь не стану думать, что под ним может быть пирамида.

Я обнял его за плечи.

– Вот поэтому ты не археолог.

Гид повел нас по тропе, продолжая рассказывать о городе. Мика и я плелись за группой, глаза по сторонам. Мика внезапно потер ладонью о ладонь – он всегда так делает, когда волнуется.

– Ник, подумать только – мы здесь! В заброшенном городе майя, в джунглях Гватемалы! А шесть часов назад мы ели пончики со сливочным сыром в Форт-Лодердейле!

– Не верится, правда?

– Да. И вот еще что... – Он обвел рукой вокруг себя. – Никогда бы не подумал, что куча земли сможет меня так заинтересовать!

Несколько минут спустя мы вышли на то, что раньше было площадью. Перед нами стоял один из полностью выкопанных храмов, и впервые с момента прилета нас покинуло ощущение нереальности происходящего. Черно-серая трапедия храма уходила ввысь на сотню футов. Гид сообщил, что храм был покинут примерно в 900 году нашей эры, за шестьсот лет до Колумба. Почти столько же лет разделяет Колумба и нас. Потрясающе! По сравнению с этими историческими метаморфозами, расцветами и падениями цивилизаций мои ежедневные заботы вдруг показались микроскопически мелкими.

Брат тоже с интересом изучал храм, хотя его мысли отличались от моих.

– Посмотри, какой он высокий! Хочу залезть на него!

Гид разрешил, и мы принялись взбираться на храм. С другой стороны здания стояли шаткие подмости из трухлявых досок, перетянутые гнилой веревкой. Мы с Микой раньше всех добрались до вершины храма, и первые несколько минут он принадлежал только нам.

На горизонте клубились черные тучи, а под нами голубела лагуна и зеленели джунгли, простираясь на тридцать миль во все стороны. Густые кроны скрывали землю, виднелись лишь несколько вершук пирамид. Наверху царила тишина, прерываемая только нашим шумным дыханием, – мы запыхались, пока лезли сюда. Склоны пирамиды круто уходили вниз, и стоя у края, я испытывал головокружение, но с наших губ не сходила улыбка – несколько часов назад мы выехали в путешествие всей нашей жизни, и вот стоим практически на вершине мира, в месте, которое всегда хотели увидеть.

– Сфотографируй меня, – внезапно попросил Мика. – Кристине это должно понравиться.

– Если бы она поехала с нами, думаешь, полезла бы сюда?

– Ни за что. Она не любит высоту. Она осталась бы с теми, кто не полез. А Кэти?

– Она тоже не любит высоту, но она бы поднялась сюда. Хотя не стала бы подходить близко к краю.

Мы сфотографировали друг друга, потом сделали еще несколько снимков пейзажей. Еще какое-то время мы восторженно осматривались, а потом я достал из рюкзака спутниковый телефон.

– Позвоню Кэт, – пояснил я, ощущая потребность разделить с ней эти мгновения.

Я набрал ее номер, раздались гудки. Удивительно – я звоню из затерянного мира! Когда Кэти ответила, я первым делом выпалил:

– Я стою на вершине храма майя, посреди джунглей!

– Вот это да! – восторженно ахнула Кэти.

Я восхищенно огляделся.

– Здесь невероятно. И стало бы еще лучше, будь ты сейчас рядом со мной.

– Я по тебе тоже скучаю, – вздохнула она.

Когда я нажал отбой, Мика попросил у меня телефон – позвонить Кристине. Увы, ее не оказалось дома, и он раздосадованно сбросил вызов, оставив сообщение на автоответчике.

Миг спустя появились остальные путешественники, и наше уединение закончилось.

* * *

Вечером в гостинице состоялся фуршет, перешедший в ужин по системе «шведский стол». Несмотря на предупреждение насчет салатов и овощей, многие все равно их ели. И подтверждая предсказание врача, через несколько дней около десяти человек заболели. Некоторым из них нездоровилось до самого конца путешествия.

Мы сидели за столиком с Бобом и Кейт Девлин, которые поочередно жили то в Коннектикуте, то в Нью-Йорке. С ними было легко общаться. Они сказали, что мы напоминаем им сыновей, которые были примерно нашего возраста. Мы тоже отметили их сходство с нашими родными.

– Тебе не кажется, что Кейт похожа на нашу маму? – спросил Мика, когда мы шли в номер.

– И впрямь, – согласился я, удивленный схожестью наших мыслей.

Погрузившись в раздумья, остаток ночи мы почти не разговаривали.

* * *

Тикаль был культурным центром цивилизации майя, и ЮНЕСКО внесла его в список всемирного культурного наследия. Открытия, раскопки и реставрации велись здесь десятилетиями.

Некогда вокруг Тикаля жили сотни тысяч человек. Город кормил их и предоставлял защиту, однако в конце десятого века цивилизация почему-то начала угасать. Выдвигалось множество теорий: перенаселение, войны, вырождение правящего класса, засуха, голод, истощение почвы, а то и обычное недовольство правителями, которые заставляли людей совершать набеги на другие племена. Неизвестно, что стало причиной, но через несколько поколений жители Тикаля окончательно оставили город. Расцвет и внезапный упадок цивилизации майя до сих пор считается одной из величайших мировых загадок.

Развалины Тикаля включают в себя около трехсот зданий: дворцы, храмы, помосты, площадки для игры в мяч, площади и террасы... Они были построены в течение шестисот лет – некоторые строения смотрелись гораздо старше остальных, было заметно, как менялась архитектура, и это помогало археологам точнее датировать остальные постройки майя в Центральной Америке и Мексике.

Моего брата заинтересовали жертвенные камни, на которых убивали людей в качестве подношения богам. Пока наш гид гордо рассказывал об исторических и культурных значениях камней, Мика шепнул мне:

– Пусть кто-нибудь сделает снимок: я лежу на камне, а ты собираешься меня заколоть. Круто будет, правда?

Жутковатая задумка, но я неохотно согласился. Я передал фотоаппарат одному из туристов, и мы с Микой приняли требуемые позы. Гид замахал руками и бросился к нам.

– Нет, нет! – покраснев, закричал он. – Нельзя ложиться на эти камни и фотографироваться! Они имеют большое религиозное значение!

– Знаю, поэтому я и хочу сфотографироваться, – ответил Мика.

– Нельзя!

– Всего одну фотографию.

– Нет!

– Да ладно, всего одну. – Мика подмигнул гиду. – Мы никому не скажем.

Я засмеялся, но гид смотрел сердито. Подобно большинству живущих в округе гватемальцев, он был майя и наверняка решил, что мы хотим оскорбить его или его народ. Не дождавшись от гида улыбки, Мика неохотно слез с камня. Мы пошли за группой, и я покачал головой.

– Откуда у тебя только берутся такие идеи?

Мика засмеялся.

– Ему она не особо понравилась, да?

Я покачал головой.

– Он рассердился. Да и остальные, кто устроил этот тур, тоже. Ты оскорбляешь их культурное наследие. Из-за тебя у нас могут быть неприятности.

– Да что тут такого? Они уже и забыли.

Как же. Через час к нам и подошла одна из сотрудниц ТСС. Она была лет на десять старше нас, работала на разных турах и неплохо разбиралась в людях.

– Вы двое, похоже, еще доставите нам неприятностей.

* * *

Мы шли по главной улице Тикаля, разглядывали руины дворца, а над нашими головами верещали обезьяны. Затем мы ступили на главную площадь. По обеим ее сторонам высились одни из самых фотографируемых пирамид майя. На первую залезать было нельзя, а на вторую нам позволили взобраться.

Вид с вершины открывался такой, что дух захватывало. Мика наконец-то дозвонился до Кристины; когда он закончил разговор, мы сели на краю, свесив ноги. Внизу, в нескольких сотнях футов, по площади ходили туристы из нашей группы. Мало кто захотел лезть сюда, так что мы были предоставлены самим себе.

– Как Кристина? – спросил я.

– Все хорошо. Говорит, что скучает по мне.

– А как дела на домашнем фронте?

Мика улыбнулся.

– У нее голова идет кругом. Она не привыкла к моим отъездам, не то, что твоя Кэт. Кристина все твердит о том, сколько у нее дел – она начала этот разговор, еще когда я поехал в аэропорт. Говорит, что последние четыре дня были просто адскими и она собирается позвонить Кэти за моральной поддержкой.

Я улыбнулся.

– Скажи, чтобы звонила, когда старшие дети в школе, иначе Кэт не сможет говорить. Когда все пятеро дома, там все ходуном ходит. Особенно с пяти до девяти вечера. Мы называем это время ведьминским. Когда младшие утомляются, старшие начинают стенать о том, что им нужно делать уроки. Кэти готовит ужин и как-то ухитряется уделять внимание детям. Потом начинается купание. Не пробовал купать разом пятерых детей?... Но Кэти ко всему этому относится с оптимизмом. Она хорошая жена, а уж мать и вовсе отличная.

Мика обнял меня за плечи.

– Повезло нам с женами, правда?

– Да. Думаю, спасибо надо сказать маме – мы поняли, какой должна быть жена. Мы оба женились на умных женщинах с добрым сердцем и беззаветной любовью к детям. Вот чему научила нас мама.

– Хочешь сказать, что я фактически женился на маме?

– Мы оба.

Мика вскинул бровь.

– А чему мы научились у отца?

– Владеть собой? Помнишь, как он высовывал язык?

Мика рассмеялся.

– Да уж, он выглядел просто жутко, когда так делал. До сих пор мучают кошмары. Я не говорил тебе, что как-то опробовал это на Элли? Хотел посмотреть, как она отреагирует.

– И?

– Она убежала с визгом и долго еще не выходила из комнаты.

Я засмеялся.

– Нет, от отца мы взяли любовь к знаниям.

– Да. Когда я повзрослел, то понял, что мама умна. Очень умна. Но отец... он был в другой лиге.

– Из них получилась хорошая пара, правда?

– Они уравнивали друг друга. Кто знает, как бы все обернулось, если бы они снова не сошлись после нашего пребывания в Гранд-Айленде?

* * *

Первого декабря 1974 года наша семья воссоединилась в местечке под названием Фэйр-Оакс, находящемся северо-восточнее калифорнийского города Сакраменто. Чуть ли не через несколько минут после нашего приезда отец включил телевизор и сел смотреть любимый сериал «Колчак. Ночной охотник» – претенциозный, но донельзя увлекательный ужастик. Мы трое уселись рядом с отцом, взяли попкорн – и ощутили себя так, будто никуда не уезжали.

В доме – съемном, разумеется, – было четыре спальни: немыслимая роскошь по нашим детским представлениям, хотя одну из комнат отец отвел под рабочий кабинет. Самая большая спальня досталась родителям, а из оставшихся двух одну мама отдала Дане по все той же причине: «Она ведь девочка».

Учебная четверть заканчивалась, идти в школу уже не было смысла, так что мы начали учиться после Нового года. Родители купили доberman-пинчера по кличке Бренди, и мы с братом, как всегда на новом месте, принялись обследовать окрестности, на сей раз с собакой. Улица, на которой мы жили, через несколько домов заканчивалась, переходя в пустырь, и нашим первым порывом было «изучить территорию». Сейчас Фэйр-Оакс почти полностью застроен, а тогда там еще встречались обширные поля и холмы, заброшенные дома и деревья, по которым можно было лазать. На этой же улице жили и другие дети нашего возраста. Почти все соседи вели кочевую жизнь, схожую с нашей, так что там были и другие новички. После обеда они играли на улице, и постепенно мы с братом познакомились с ними. И как в Небраске, Мика вскоре начал предпочитать мне компанию новых друзей.

Хотя родители снова сошлись, они продолжали жить каждый своей жизнью. Мама, устроившаяся работать помощницей оптометриста, поднималась рано и отводила нас в школу. Отец в это время еще спал. После работы мама два-три вечера в неделю приходила в пустой дом – отец в те дни допоздна преподавал. А когда он был дома, то проверял работы студентов или читал, чтобы не отстать в выбранной области знаний. Как и все университетские препода-

даватели, он должен был публиковать статьи, и частенько из его кабинета доносился перестук пишущей машинки. Родители сталкивались на кухне, но редко проводили время вместе.

Можно предположить, что им не нравилось находиться в обществе друг друга – они не ходили вместе в гости, – однако отношения между ними сложились довольно душевные. За обедом они смеялись и шутили, иногда отец целовал маму в шею, думая, что никто этого не видит. Родители не выставляли свои чувства напоказ, но и не страдали от эмоциональной зависимости или ревности. Я никогда не слышал, чтобы они говорили что-нибудь плохое друг о друге, ссориться они тоже стали реже. Они начали жизнь с нового листа гораздо успешнее многих пар.

Ни один из них не просил луну с неба. Отцу хотелось жить не так напряженно и иметь меньше проблем с финансами – он никогда не жаждал богатства, однако частенько бывал обескуражен каждодневной борьбой за то, чтобы содержать семью. Улучшения не предвиделось, и это тоже довлело над ним. То же самое происходило с мамой. Однажды я увидел, как она плачет в спальне, и ужаснулся. От удивления я разревелся, и она обняла меня.

– Я просто подумала, как замечательно жить в сельской местности, где есть лошади – так, как я жила в детстве, – сказала она. – Быть может, иметь маленький домик и приезжать туда по выходным... было бы чудесно. Вот бы устроить подобное для ваших детей...

Если мечта не сбывается, она рушится. Самые простые мечты обычно и самые болезненные – ведь они такие личные, такие разумные, такие... близкие. Кажется, что мечты вот-вот сбудутся, а они все никак не даются в руки, и это разбивает сердце.

* * *

Мой брат продолжал расправлять крылья и с легкостью находил новых друзей. Моя сестра тоже нашла подруг, и одна из них стала ей как сестра. Я в делах дружбы преуспел меньше – мне не везло. Моим лучшим другом в третьем классе стал Тим, в четвертом он перевелся в церковно-приходскую школу, и с тех пор наши дороги редко пересекались. В четвертом классе моим лучшим другом был Энди, а в пятом и он перевелся в церковно-приходскую школу, и мы с ним тоже больше не виделись. В пятом классе я подружился с Уорреном, а в шестом он переехал в Австралию. В шестом классе моим лучшим другом был Кевин, а на следующий год мы стали учиться в разных классах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.